

The background of the cover is a composite image. The top half shows a city skyline at sunset, with a large red rectangular overlay on the right side. The bottom half shows a dense cityscape at night, illuminated by streetlights and building lights. The red overlay contains the author's name and the title.

С. Н. Львов

Экскурсия

остросюжетная проза

16+

Сергей Львов

Экскурсия

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Львов С.

Экскурсия / С. Львов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2266-6

Главный редактор газеты «Всеобщая Правда» требует от сотрудников статью, которая шокирует страну и резко поднимет тираж. Неизвестный звонит в редакцию и приглашает на необычную и шокирующую экскурсию по своей загородной вилле. Редактор посылает журналистку и фотографа. Героев книги долго везут с завязанными глазами. После знакомства с хозяином виллы в маске и его рассказа о себе журналисты попадают на экскурсию, от которой практически теряют сознание от ужаса. Выслушав отчет вернувшихся журналистов, главный редактор поначалу не решается опубликовать необычную статью. Однако не все так просто.

ISBN 978-5-5321-2266-6

© Львов С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая. На безрыбье и рак – рыба	6
Часть вторая. Поездка	18
Часть третья. Черный хозяин	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Экскурсия

Часть первая. На безрыбье и рак – рыба

– Ну что Верочка, порадуй меня какой-нибудь хорошей статьей, которая наконец-то привлечет народ к нашей газете.

– Петр Никитич, – Верочка сморщилась, как от дольки лимона во рту. – Я Вам каждый день приношу хорошие статьи и актуальные к тому же, а Вам все не нравится.

– Что хорошего то в твоих статьях? – Главный редактор газеты "Всеобщая правда" Петр Никитич Зубрилин нехорошо, как-то по волчьей, посмотрел на молодую секретаршу. – "Депутат Заиндевелый снимается в порно", "Пес известной певицы живет с ней, как с женой". Это ты называешь актуальными новостями? Да если я рискну напечатать эту дребедень, то завтра же газету прикроют, я пойду на пенсию, а ты на панель!

– Петр Ники...

– Помолчи!

Зубрилин вскочил из-за стола и начал вышагивать по кабинету. При каждом шаге его дряблые, но мясистые щеки подрагивали как у откормленного хомяка. Он сердито пнул угол кожаного дивана, стоящего у окна.

По поводу этой привычки главного редактора среди работников издательства ходила шутка, что Никитич потому ежедневно лупит диван ногой, что завидует ему. Так как диван пользуется у прекрасной половины редакции большей популярностью, чем сам главный редактор. Поговаривали, что он несколько раз пытался завлечь на диван для любовных утех некоторых журналисток из своего подчинения. Но, увы и ах! Ничего не получилось. То ли не получилось завлечь, то ли не получилось, собственно, у самого Петра Никитича.

Эти слухи раздражали и так редко бывающего в хорошем настроении Зубрилина. Его можно было понять. Тираж газеты падал месяц от месяца и перспектив для улучшения этой печальной ситуации не наблюдалось. Люди, читающие серьезную прессу, газету «Всеобщая правда» не покупали. У них были свои, давно устоявшиеся интересы. Те, кто предпочитал более легкое чтение, покупали газету без ажиотажа, предпочитая давно известные бренды наподобие «Комсомольская правда» или «Московский комсомолец». Она, газета «Всеобщая правда», вышла на рынок СМИ значительно позже своих основных конкурентов, и тягаться с ними в популярности не могла. Опускать планку еще ниже, до уровня «желтой» прессы, Зубрилин не хотел. У его издания был свой, хотя и небольшой, но преданный круг читателей. Этот круг надо было расширить.

Требовалось привлечь читающий народ интересными статьями о чем-нибудь актуальном, но в тоже время необычном. А если это будет просто шокирующее, то совсем замечательно!

Но за последнее время никаких интересных статей в газете разместить не удалось. Тираж падал. Приходилось идти на крайне непопулярную меру и публиковать в газете все больше рекламных объявлений. Этот ход мог оттолкнуть даже преданных читателей. Нужен был какой-то прорыв из данной тупиковой ситуации. Нужна была не одна интересная статья, а целый ряд статей.

Зубрилин успокоился и сел за свой стол.

– Вот что, Верочка, пригласи ко мне на совещание начальников отделов. Через полчаса чтобы были у меня.

Верочка деланно тяжело вздохнула и вышла из кабинета.

– Я тебе повздыхаю, я вам всем повздыхаю. – Мрачно проговорил Петр Никитич. – Вы у меня забудете, что такое отдых и сон. Распустились, бездельники.

Через полчаса на стульях, расставленных вдоль стены в небольшой комнате, официально называемой залом совещаний, сидело всего два человека. Зубрилин нервно вышагивая от двери к окну и обратно, мрачно посматривал на своих сотрудников. Один из них, Игорь,

начальник отдела криминальной хроники, молодой мужчина с волевым лицом и рано седеющими волосами, что-то в полголоса рассказывал своему собеседнику. Собеседник, пожилой дяденька со старомодными черепаховыми очками на носу, периодически кивал головой в знак согласия и грустно улыбался.

Так прошло еще десять минут. Картина в зале совещаний совершенно не изменилась. Зубрилин ударом ноги распахнул дверь и выскочил из комнаты. Оттуда раздался мощный крик.

– Вера!!! Где?! Где люди?!

В ответ была слышна какая-то испуганная бубнежка голосом Верочки. Раздался хлопок, как будто открыли бутылку шампанского, и наступила тишина.

Мужчины, сидящие в комнате, одновременно повернули головы в сторону двери.

– Однако я удивляюсь. – Промолвил Игорь. – Как-то отвык я от тишины на нашей работе.

Его собеседник снял очки, задумчиво протер стекла какой-то черной тряпочкой и, водрузив их себе на переносицу, неспешно проговорил:

– Подобные затишья всегда бывают перед бурей. Классика.

– Куда уж бурнее. – Игорь не весело усмехнулся. – У нас каждый день буря.

– Бурнее? Любопытное слово, не слышал. Надо будет запомнить.

Игорь поднялся со стула, подошел к окну и мрачно уставился на улицу. За окном шел холодный осенний дождь. Порывы ветра периодически бросали горсти крупных дождевых капель в оконное стекло. На улице редкие прохожие пытались прикрыться зонтиками от хлеставших водяных струй. «А ведь еще только середина сентября» – подумал Игорь.

– Вот скажите Олег Афанасьевич, почему когда плохо, плохо все? – Он повернулся к своему коллеге.

– Вы опять поругались со своей женой. – Скорее утвердительно, чем вопросительно сказал мужчина в очках.

Игорь раздраженно поморщился.

– Я с ней не ругался. Это она со мной постоянно ругается. Ей нужно в этой жизни слишком много. Деньги, само собой. Много денег. Но даже деньги не самое главное. Она хочет, чтобы ее муж, в моем лице, – он картинно поклонился, – был известен и знаменит. А уж она будет греться в моих лучах славы!

Олег Афанасьевич тихо рассмеялся.

– Скажите Игорь, в Вашем понимании, известность и знаменитость – это разные вещи?

Молодой мужчина взмахнул рукой собираясь ответить, но здесь дверь открылась, и в комнату ввалились человек пять сотрудников редакции. Они быстро расселись по свободным стульям, и наступила мертвая тишина. По кошачьи, тихо ступая, в комнату вошла Верочка и устроилась на стуле, стоящем около окна. Последним в зал совещаний зашел Зубрилин с гневным блеском в глазах.

Он присел в кресло, стоящее в левом углу от окна и, вытянув ноги, оглядел всех присутствующих. Потом из-под бровей бросил взгляд, на все еще стоящего Игоря, и проворчал:

– И долго ты здесь глаза мне будешь мозолить? Сядь.

В зале совещаний не было ни одного стола, только стулья, расставленные вдоль стен. Да кресло в углу, для главного редактора. Как говорил по этому поводу Зубрилин: «Сидя за столом можно расслабиться, а в нашем деле расслабляться нельзя». Но среди сотрудников редакции гуляла другая версия. Якобы подобный дизайн в этом зале сделан специально для того, чтобы Петр Никитич мог спокойно оглядывать ножки и бедра своих подчиненных женского пола. Как говорил по этому поводу весельчак и балагур, главный фотограф редакции Ефимов Константин: «Не обижайте нашего старикана. У него только и осталась одна радость в жизни – лицезреть!». И советовал всем журналисткам приходить на работу исключительно в мини юбках, для поддержания хорошего настроения у главного редактора.

Зубрил поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее и сказал:

– Вот что господа хорошие, мне все больше и больше не нравится ваше отношение к работе. Поэтому должен вам сказать следующее. Во-первых, если еще кто-нибудь хотя бы раз опоздает на совещание пусть даже на три минуты, то этот человек может в тот же день писать заявление на увольнение. Кто бы это ни был! Мне надоело бегать за всеми, как мальчишка! Повторять эту информацию я больше не буду.

Он замолчал. Все остальные присутствующие на совещании также молчали. Даже Верочка, которая обычно любила выносить на общее обозрение свои мысли, высказывая их в слух, сидела, не разжимая губ с каменным выражением на лице.

Зубрилин продолжил:

– Вот и славно, что все поняли меня правильно. Теперь дальше. Дела наши, как вы знаете, совсем плохи. Если не будет никакого прорыва, то газету придется закрывать. Мы уже становимся убыточными. О чем мы пишем? О том же, о чем и все другие газеты. Нам надо либо менять направление деятельности, либо искать темы, которые всколыхнут наших потенциальных читателей. Слушаю ваши предложения. Начнем как всегда слева, по часовой стрелке.

Зубрилин посмотрел на мужчину, сидящего рядом с Верочкой.

– Кирилл, что можешь предложить?

– Ну, можно создать рубрику «Личная жизнь политиков», и рассказывать в ней о семье, детях известных людей. Вспомнить их детство и юность. Описать, с чего они начинали свою трудовую деятельность. Рассказать о первых любовных переживаниях. В конце концов, о школьных годах, как хулиганили, двойки-пятерки получали.

– И кто тебе даст всю эту информацию?

– Покопаться в интернете, найти дальних родственников, друзей детства. Съездить к ним, поговорить.

– И что, думаешь, до нас этим вопросом никто не занимался?

Кирилл замялся. Он вообще не понимал, что он, занимающийся в газете вопросами политики, мог предложить новое или оригинальное. Политические новости, что внутренние, что внешние, как ни крути, были из разряда тех сообщений, которые можно было подавать только под одним углом. Внешнюю политику мы ведем правильно и мудро, за исключением некоторых нюансов, возникающих не по нашей вине. Во внутренней политике бывают некоторые огрехи, но наше руководство по мере сил старается с ними справляться. Кирилл усмехнулся, вспомнив, как на днях прочитал в одной «желтой» газете шаблон программы теленовостей.

«1. Наш президент встретился с зарубежным президентом. Обсуждали очень важную проблему. В результате беседы сторонам удалось договориться почти по всем пунктам. Рукопожатие с улыбками на лицах.

2. В далекой банановой республике, одни претенденты на лидерство в своей стране, с помощью оружия пытаются ликвидировать других претендентов. Которые в свою очередь, также с помощью различных видов оружия, сопротивляются. В результате в этой республике происходит локальная жуть, переходящая местами в откровенный геноцид. Многие представители местного населения валом валят из своей республики в соседние страны. Евросоюз переживает.

3. То ли министр какого-то там среднего машиностроения, то ли министр экономически-политических проблем, сидит напротив президента и докладывает, что его министерство работает во всех возможных направлениях и, не смотря на отдельные недостатки, уже добилось определенных успехов. Президент поручает министру какое-нибудь важное задание и обещает взять дело под свой контроль. Обнадеживающая, хотя и непонятная информация.

4. Второе лицо в государстве тоже человек. Природа, красивое озеро, байдарка.

5. В некотором районе, недалеко от промышленного областного центра, что-то взорвалось. Пыль, дым, многочисленные жертвы. Создана правительственная комиссия. Жертвам будут компенсации.

6. Президент на секретном предприятии, о котором выдается чуть ли не полная информация: где находится и что выпускает. Президент держит в руках какой-то модернизированный приборчик. Чуть ли не восторженно удивляется возможностям данного приборчика. Улыбается окружающим его работникам предприятия. Задает один-два вопроса. Ответ дает человек как бы с кашей во рту. Ничего не понятно, но интересно.

7. Премьер-министр пообещал повысить что-то каким-то слоям населения уже до января следующего года. Сидящие рядом министры, что-то записывают и кивают в согласии головами.

8. Прелестная зверюшка с труднопроизносимым названием в зоопарке города Этакий была размножена в неволе. Результат пушистый и милый. Все вокруг улыбаются и радуются.

9. Новости спорта. Наши проиграли там, где проиграть было просто невозможно и выиграла там, где от них ничего подобного не ожидали.

10. Прогноз погоды. Ничего хорошего. Летом очень жарко, зимой очень холодно.

11. Реклама».

Зубрилин взорвался.

– Я что, что-то смешное сказал?! Ты на совещании, а не в курилке, где хихикаешь с девками!

– Петр Никитич, что Вы на меня взъелись? – Обиженно пробормотал Кирилл. – Я совершенно серьезен. А по поводу Вашего вопроса, отвечу так: ничего страшного, если мы, как и другие издания, будем повторяться. Я имею в виду повторение подробностей личной жизни наших государственных мужей.

Зубрилин махнул рукой и досадливо вздохнул.

– С тобой все понятно. Привык по накатанному пути идти, ни влево, ни вправо. Дальше поехали. – Он посмотрел на миловидную женщину, ведущую в газете «Женскую страничку» и параллельно сочиняющую ежедневные астрологические прогнозы. – Ольга Дмитриевна, порадуй меня глубокими мыслями.

– А я Вам давно предлагаю открыть рубрику кулинарных рецептов. И совместить ее с астрологическими прогнозами.

– Что-то не улавливаю. Причем здесь астрология и рецепты? Где бузина, а где дядька.

Ольга Дмитриевна совершила круговое движение руками.

– Все очень просто. Будем там, в рубрике, публиковать кулинарные рецепты с точки зрения привязки их к знакам Зодиака. Допустим, завтра советуем Овнам приготовить на ужин что-нибудь из крольчатины. Например, фаршированный кролик с печеными грушами. Салатик там приготовить, с морковочкой, натертой на крупной терке. С добавлением укропчика и чесночка. А супчик приготовить какой-либо попроще. Например, с картошкой. Заправить все это говяжьими кубиками. Другим знакам тоже, что-то в этом роде пропечатать. Женщины будут довольны. Мы одним выстрелом двух зайцев уьем.

Она оглядела присутствующих, ожидая одобрения. Свою идею о публикации кулинарных рецептов Ольга проталкивала уже который месяц, но все безуспешно. Зубрилин считал, что эта тема не интересна. Вряд ли домохозяйки, у которых наверняка дома есть целые тома поваренных книг, будут рыскать по газетным киоскам, в поисках «Всеобщей правды», где публикуются астрологические кулинарные рецепты. Все это знали, поэтому восторженных криков, которые, видимо, ожидала Ольга, не последовало.

Но неожиданно для всех присутствующих Зубрилин одобряюще покивал головой и сказал:

– Верочка, запиши. Проработать эту тему и в пятницу, сегодня, что у нас, четверг? – Он посмотрел на стену, где висел календарь. – Да, в пятницу, в десять утра, совещание по этому вопросу.

– Кто должен быть на совещании? – Верочка подняла голову от блокнота, куда она записывала распоряжения своего шефа.

– Ольга, ... э-э... Андрей и Олег Афанасьевич.

– Андрей какой?

– А у нас, что, их несколько? – Удивился Петр Никитич.

– Андрей ваш зам, потом сисадмин, потом из отдела рекламы, потом журналы...

– Ты решила сегодня надо мной издеваться?! – Побагровев, крикнул Зубрилин. – На кой ляд мне сисадмин? Он что, кулинарный техникум закончил?

– Вы мне всегда сами говорите, чтобы я уточняла Ваши указания. – Обиженно надула губки Верочка. – Вот я и уточняю.

Зубрилин молитвенно сложил руки, подняв глаза к потолку.

– О Господи! Спаси меня от идиотов! Естественно, нужен будет вот этот Андрей. – Он ткнул пальцем в сторону своего заместителя.

– Петр Никитич, я вот тут подумал, – подал голос Андрей, – а что, если нам предложение Кирилла расширить.

– Ты погоди со своим расширением. – Перебил его Зубрилин. – Дойдет и до тебя очередь. А пока сиди, обдумывай свое предложение. Чтобы не было как всегда – предложишь велосипед о трех колесах.

– Но...

– Все, я сказал! Твое слово, товарищ Маузер!

Маузер Марк Павлович, в неофициальных разговорах просто ММП, отвечал почти за все и ни за что конкретно. Его должность звучала устрашающе для людей, не связанных с печатным делом. Начальник отдела коррекции и верстки. Казалось, что его должность не давала никаких преимуществ, по сравнению с другими начальниками отделов, но это было не так. Он мог например, буквально за полчаса до сдачи газетного номера в печать, заявить автору какой-нибудь статьи, что: «Ты понимаешь Васенька, но у тебя так много ошибок, что я решил еще раз все перепроверить. Поэтому вместо твоей, очень хорошей статьи, я вынужден поставить в номер статью о цикличности землетрясений в Юго-Восточной Азии». Если журналист был новенький, много еще чего не понимающий, то он с пеной у рта начинал доказывать, что его статья перепроверена тысячу раз, на ней стоит виза «В номер!» самого Главного редактора. И даже, если и есть какие-то ошибки, то ничего страшного, народ прочитает и так.

Маузер никогда не спорил и не перебивал собеседника, но на все наскоки вежливо отвечал:

– Я очень сожалею, но в таком виде статья в печать не пойдет.

Молодой журналист убежал искать правду, но правда оказывалась до банальности простой. Журналисту кто-нибудь объяснял, в чем собственно дело. Если молодой человек, или девушка, оказывались людьми понятливыми, то возвращались назад в отдел Марка Павловича и, смущаясь, отдавали ему небольшую сумму денег. Маузер величественно брал деньги, клал их в ящик стола, и, улыбаясь, говорил:

– Вы знаете, я пересмотрел Вашу статью и думаю, что она, пожалуй, пойдет в завтрашний номер. Пишите еще, молодой человек. У Вас чувствуется хороший слог.

Находились и такие, кто возмущался и жаловался Зубрилину. Тогда спокойный Маузер брал статью, которую не поставил в номер, и в пух и прах в течение пяти минут разносил ее по косточкам.

– А деньги взять хотел, потому что я задарма эту чушь корректировать, не намерен.

Зубрилин соглашался, что это он просмотрел такое убожество, и в следующий раз статьи этого Иванова-Петрова-Сидорова будут проверяться буквально через лупу с особой тщательностью. Судьба такого журналиста была predeterminedена и его статьи очень нескоро появлялись во «Всеобщей правде». Как правило, он был вынужден искать другое место работы.

– Слушаем тебя Марк Павлович. – Зубрилин улыбнулся. – Постреляй умными фразами.

– Есть у меня одна мыслишка. Вот тут меня знакомый на охоту пригласил. А какой из меня охотник, так байки охотничьи только послушать. Но я вот подумал, а если нам открыть рубрику типа охотничьи рассказы? Или даже лучше так – охотничьи и рыбацкие рассказы. И печатать не только сами рассказы, но и различные советы охотникам и рыболовам.

– Вот, – Зубрилин изогнулся, как будто собрался встать с кресла, – вот наконец мы слышим слово не мальчика, а мужа! Дельное предложение, мне оно нравится. Верочка, в пятницу, часиков в десять совещание по этой теме.

– В десять Вы уже назначили совещание по кулинарным рецептам. – Напомнила девушка.

– Да? Ну, значит на одиннадцать часов. Должны присутствовать Марк Павлович, Олег Афанасьевич и Андрей. Не сисадмин! Ясно?

Верочка, записывая в блокнот, кивнула головой.

– Вот и до тебя очередь дошла, Андрюша. Поделись, что ты там надумал.

– Кирилл предлагал писать о личной жизни политиков и вообще известных людей, а я думаю эту тему надо расширить. У меня есть такая задумка, сравнивать жизненные пути двух одноклассников. Скажем один из них министр, а второй токарь. И подробенько биографии каждого, на пол странички.

Зубрилин молчал. Только правая бровь на его лице то поднималась, то опускалась. «Движеньем брови наш шеф мысли собирает. Не будем ему мешать», – говорил в таких случаях остряк Ефимов.

– Ты думаешь, будущие токарь и министр могли учиться в одной школе? – Наконец спросил главный редактор.

Андрей поправил очки со стеклами без диоптрий, которые носил исключительно по просьбе своей жены, так как ей нравились мужчины в очках, и сказал:

– Ну не обязательно, что токарь. Но в любом случае кто-то из одноклассников, у кого жизнь сильно отличается от своего высокопоставленного друга детства.

– А почему ты решил, что они друзья детства?

Андрей опять поправил очки. Это показывало, что он нервничает. Были дни, когда он в нервном возбуждении мог снять очки, и сильно сжав их, сломать. А вечером бежал в магазин «Оптика» и покупал новые.

– Петр Никитич, Вы уже начинаете придирается к моим словам. Какая разница – друзья или не друзья, главное, что учились вместе.

– Убедил. Есть что-то в твоём предложении рациональное. – Зубрилин повернулся к Верочке. – Поняла? В пятницу в двенадцать. Из участников обойдемся Андреем и Олегом Афанасьевичем. Так, поехали дальше. Нашего уважаемого ветерана мы оставим на сладкое, а пока заслушаем Игоря.

Начальник отдела криминальной хроники повернулся в пол оборота к Зубрилину.

– Вы знаете, ничего я этакое предложить, наверное, не могу. Ни тем новых, ни рубрик интересных. Мое мнение по вопросу поднятия популярности газеты такое – нужно раз в неделю давать рекламную зацепку, наподобие такого: «На следующей неделе, в среду, в нашей газете будет ух какая статья! Не пропустите!». Вот, а когда подойдет обещанная дата, то в этот день сообщить, мол, так и так, но некоторые властные структуры нам запретили печатать статью. Какие именно структуры, не уточнять. Может быть, через недельку-другую и надыбаем какую-либо информацию.

– А что, – встрепенулся Зубрилин, – мне нравится! В этом что-то есть интересное. На какое-то время можно будет организовать дискуссию на страницах газеты. В формате вопрос – ответ. Пускай одни читатели задают вопросы, а другие на них отвечают. Замечательно! Тут даже совещаться не надо. Проработай вопрос и мне на утверждение.

– Я бы еще хотел добавить. – Проговорил Игорь. – Во многих газетах любят печатать репортажи из глубинки. Поднимают некоторые наболевшие вопросы, типа – у Петра Петровича из села Затридевятземель в неизвестно, где находящейся области, уже много лет нет обещанной еще Сталиным русской печки. Поэтому Петр Петрович вот уже двадцать лет пользуется в своей избе централизованным отоплением. А ему, ох как хочется, вернуться к прелестям старой деревни. Я шучу, конечно, но подобные статьи вызывают умиление у наших граждан.

Все, кроме Олега Афанасьевича, рассмеялись. Даже у Зубрилина под конец совещания, явно улучшилось настроение. Игорь продолжил говорить:

– Все это смех, но мне кажется, что мы совсем забросили репортажи из глубинки. Москва и Петербург – это конечно здорово, но Россия велика, и в ней иногда можно найти такие темы для статей, что и Гоголю не снились.

– А конкретно? – Заинтересованно спросил главный редактор.

– Конкретно предлагаю разослать наших молодых журналистов по глубинкам нашей большой страны. Хоть на месяц, хоть на два. Пускай ищут. Как говорится – волка ноги кормят.

– А сам-то поехал бы? – Усмехнулся Зубрилин.

– Я теперь куда угодно поеду, чем дальше, тем лучше. Лишь бы деньги мне за это платили.

– Bravo, bravo! – Зубрилин зааплодировал. – Вот давай и подумай, куда поедешь. Только не абы как, а все-таки с конкретной целью. Например, можешь поискать в Якутии место падежа НЛО. Что-то такое я в свое время читал. Чувшь абсолютная, но народу будет интересно. Или займись в глухой тайге поисками отшельника, который, опять-таки, якобы, живет уже двести лет и почти не стареет. И нечего ржать! Я тут на днях был у своего дядьки, которому уже далеко за восемьдесят, дай Бог ему здоровья! и, копаясь в его роскошной библиотеке, натолкнулся на книжку «Как животные служат людям». Начал читать и увлекся. Очень хорошим, добрым языком написана книга. Так вот там был описан случай, когда экспедиция каких-то ботаников в индийских джунглях встретила старца, который говорил на древнем санскрите и который, опять-таки якобы, помнил еще правление Великих Моголов! А это как-никак, почти пятьсот лет назад!

– Мне бы такое здоровье! – Первый раз за время совещания подал голос Олег Афанасьевич.

– Все это было бы так смешно, если бы не было так грустно. – Тяжело вздохнул Зубрилин.

В помещение опять повисла напряженная тишина. Было слышна, как Верочка что-то записывает в своем блокнотике.

– В общем, я считаю, что наше совещание прошло не напрасно. – Петр Никитич изобразил на своем лице подобие улыбки. – В особенности мне понравились последние предложения. Игорь, ты хотя и занимаешься криминалом, а может быть и кстати, давай-ка подумай хорошо, куда поедешь. На Сахалин я тебя, конечно, не пошлю, сам понимаешь с финансами у нас туго, но вот что-либо поближе, но поглубже – это, пожалуйста. Поэтому завтра или крайний срок в понедельник, жду твои конкретные предложения. Подчеркиваю – конкретные! Куда и предположительно зачем! Ясно?

– Я постараюсь Петр Никитич. – Вяло ответил Игорь.

– И больше бодрости мой дорогой товарищ! Я верю в твою звезду! – Зубрилин хлопнул ладонями по креслу и встал.

Все, кроме Олега Афанасьевича и Верочки, тоже встали и направились к выходу из комнаты.

– А куда это вы все собрались? Совещание еще не закончилось. – Главный редактор удивленно поднял брови. – Пожалуйста, все на свои места. Мы еще ничего главного не решили. Да и не все высказали свое мнение.

Он прошелся по комнате и убедившись, что все опять расселись по свои местам, сел в кресло и продолжил:

– Как говорили раньше на партийных съездах – на повестке дня у нас осталось выслушать уважаемого Олега Афанасьевича и в конце совещания я выступлю с заключительным докладом. Он будет небольшой, но емкий, уверяю вас.

Все посмотрели на мужчину в роговых очках. Олег Афанасьевич был старейшим сотрудником редакции. В свое время ему посчастливилось поработать и в газете «Правда», в советские времена главным рупором политической элиты страны, и в «Известиях», основном конкуренте «Правды» по всем вопросам, кроме освещения идеологии.

Олег Афанасьевич снял свои старомодные очки, в очередной раз протер стекла, доведя их до зеркального блеска, и только после всех этих манипуляций заговорил.

– Послушал я вас всех, внимательно послушал. Много было сказано интересного. Много полезного для нашей газеты. Но вот, что я вам скажу.

Он помолчал, задумчиво глядя в окно, за которым все так же шел грустный дождь.

– Все ваши предложения хороши. Но нам сейчас для вылезания из ямы нужна бомба. Не те одиночные выстрелы, что вы предлагаете, а именно бомба. Все, что вы советуете, конечно, не плохо, но боюсь, что мы просто не успеем все реализовать. Газета теряет читателей, а соответственно и доходы. А в наше, время нет дохода, значит, нет существования. Вы, молодые, это знаете лучше меня. Через два-три месяца наше издание просто закроется. Нужен выход, нужна бомба.

– Что Вы предлагаете? – После томительного молчания скрипучим голосом спросил Зубрилин.

– Я вот последнее время отслеживаю различные предложения, которые поступают к нам. Много ерунды. Много откровенной глупости. Но есть кое-что интересное. Но для начала...

Олег Афанасьевич полез в нагрудный карман и достал сложенный листок бумаги.

– Есть у меня старый знакомый. В прошлом известный юрист. Периодически встречаемся с ним, чаек по-стариковски попиваем. Я ему о своих случаях из журналистской жизни рассказываю, а он мне о своих. Сейчас много баек можно найти в интернете. Но у него не просто байки, а реальные ляпы, либо идиотизмы, случавшиеся в судебной практике. Вот послушайте, прочитаю вам. Реальное судебное дело. 25 декабря 1934 года гражданин такой-то на почве неприязненных отношений зарезал другого гражданина, за что 22 февраля 1935 года был осужден краевым судом к расстрелу. Приговор привели в исполнение. 15 мая 2002 года Президиумом Верховного Суда приговор был отменен в порядке надзора. Справедливость торжествовала. Президиум счел высшую меру слишком суровым наказанием и назначил гражданину такому-то новое наказание – 10 лет лишения свободы.

Все, включая Зубрилина, засмеялись в полный голос. Только Верочка непонимающе оглядывала окружающих, стараясь понять причину общего веселья.

– А я не понимаю, что здесь смешного? – Она с удивлением посмотрела на Олега Афанасьевича. – За убийство дали десять лет вместо расстрела, по-вашему – это смешно?

– Солнце наше ясное, я тебе потом все объясню. Не бери в голову! – Наклонился в ее сторону Кирилл. – Твое дело не думать, а записывать и радовать нас своим присутствием.

– Вот я и предлагаю, – продолжил Олег Афанасьевич, – скажем по субботам, публиковать подобные судебные ляпы и комментировать их. Но не это главное, что я хотел предложить.

Он опять замолчал, по-стариковски поглаживая свои коленки.

– Я еще отвлеку ваше внимание на, казалось бы, пустяковую историю. Давным-давно, когда я только начинал свою трудовую деятельность, пришлось мне работать в многотиражке в одном южном городе. И был в этом городке один виноразливной завод. Почти треть населения всего городка работала именно на этом заводе. Да, так вот. Я больше нигде в жизни не видел, чтобы мужики в шесть утра долбили в ворота на проходной и просили пустить их на работу.

Комнату в очередной раз потряс взрыв хохота. В этот раз смеялись все, даже Верочка.

– Добрые советские времена. – Зубрилин вытер слезу платочком. – Но я не уловил предложения.

– Писать о хороших новостях! Вокруг один негатив, в новостях, в газетах, на телевиденье, везде. Жизнь и так невесела, так надо дать людям веру в настоящее. Вот раньше, как бы мы не ругали советские времена, во всех новостях 90 процентов были хорошие известия. А сейчас? Телевизор включишь – там плохо, здесь пожар, в соседней области взрыв, в аэропорту террористы кого-то захватили! Один негатив! О хорошем, вообще ни слова. Газеты откроешь – то же самое.

– О комбайнерах, выполняющих план, что ли писать? – Усмехнулся Андрей.

– А почему бы нет? – Повернулся к нему Олег Афанасьевич. – Только писать не как раньше: Вася Васильев обмолот сто гектар пшеницы, и он молодец, а несколько иначе. Вася Васильев обмолот сто гектар пшеницы и заработал на этом сто тысяч рублей.

– Ну, Вы хватанули! Тут сразу же все в комбайнеры побегут. – Саркастически заметил Кирилл.

– Ша! – Поднял руку Зубрилин. – Идея понятна. Не скажу, что я от нее в восторге, но можно подумать. Проработайте этот вопрос. – Он посмотрел на Олега Афанасьевича. – У Вас все?

– Нет. Самое главное я хотел сказать о другом. О бомбе. Как я говорил, в последнее время отслеживаю разные предложения. Много, что нам предлагают, от ерунды до интересных вещей. Поступило нам два любопытных предложения. Это не из серии журналистских расследований, а наподобие фоторепортажей. Один неизвестный товарищ предлагает провести экскурсию по своему загородному дому. И приглашает нас на эту экскурсию.

– А в чем смысл этой экскурсии? Очередной нувориш хочет похвастаться своим золотым унитазом? – Андрей пожал плечами. – Кому это будет интересно? Вот если бы это был кто-то из известных людей, то тогда да, любопытно. Не мне, естественно, но другим было бы увлекательно почитать.

– Нет, как я понял, этот человек не принадлежит к известным людям. Я вообще толком не понял, чем он конкретно занимается. – Олег Афанасьевич в двадцатый раз за время совещания стал протирать свои очки. – Но меня заинтересовал один момент. Он сказал, что мы, возможно, побоимся опубликовать то, что он нам покажет. И еще. Как я понял, у него уже были журналисты из другой газеты. Но репортажа не последовало. По причине их шокового состояния.

Зубрилин встрепенулся.

– А из какой газеты?

– Увы, он не сказал.

– Так в чем дело, надо обзвонить все издания и узнать. – Пожал плечами Андрей.

– Как Вы себе это представляете Андрей? – Олег Афанасьевич улыбнулся собеседнику, как улыбаются добрые дедушки на шалость любимого внука.

Андрей не успел ответить. Его перебил Зубрилин.

– Это несерьезно, само собой. Я имею в виду обзвон редакций. Что ты будешь спрашивать – не ездили ли ваши журналисты куда-то, не знаю куда, где их чем-то шокировали, так что ли?

– Если экскурсия такая потрясающая, что от нее все в шоке, то мне не ясно – почему отказались от репортажа? – С сомнением сказал Андрей.

– Вот я и предлагаю – съездить на эту экскурсию и все посмотреть своими глазами. – Проговорил Олег Афанасьевич.

– Куда ехать? – Поинтересовался Игорь.

– Пока не знаю. Сегодня этот товарищ будет мне перезванивать, тогда и договоримся обо всем. Договариваться о поездке? – Вопрос был обращен к Зубрилину.

Тот как-то безнадежно махнул рукой, то ли соглашаясь, то ли отказываясь. Олег Афанасьевич непонимающе пожал плечами.

– Соглашайтесь, соглашайтесь! – Воскликнул Игорь. – Я готов ехать.

Зубрилин встал из кресла, и мрачно оглядев присутствующих, проговорил:

– Значится так господа-товарищи, если к Новому году положение не изменится, то газету придется закрывать. Я думаю, все это понимают и приложат все силы, чтобы нам и дальше работать здесь. Теперь все.

Часа через три после совещания в кабинет главного редактора заглянул Олег Афанасьевич.

– Свободны, Петр Никитич?

– Скоро все мы будем свободны. – Грустно пошутил хозяин кабинета. – Что у тебя?

Олег Афанасьевич прошел к стулу, стоящему в углу, и сел, потирая коленку.

– Неприятный дождь. Такое было жаркое лето и такая ранняя осень. – Он достал из кармана небольшой блокнот и, перевернув несколько страниц, уставился в исписанный листок. – Вот позвонил тот самый товарищ, о котором я говорил. Мы договорились, что завтра в десять часов его машина будет ждать наших журналистов у входа в Парк Победы со стороны спортивного комплекса.

– Именно журналистов, а не журналиста? – Уточнил Зубрилин.

– Да, именно так. Этот товарищ хочет, чтобы поехали два человека. Один пишущий журналист, а второй фотограф.

Зубрилин нервно ходил по кабинету.

– Ну, раз хочет, пускай так и будет. Игорь хотел поехать, вот его и пошлю. А фотограф... кого бы отправить? – Он схватился за телефонную трубку. – Вера, найди мне Ефимова.

– Хотя должен сказать, что что-то в этом разговоре мне не понравилось. – Задумчиво произнес Олег Афанасьевич. – Какая-то напряженность чувствовалась.

– Ты последнее время во всем стал напряженность видеть.

Они замолчали. Было слышно, как по карнизу окна стучал дождь.

– Вот мы с Вами здесь сидим уже десять минут, а ни одного телефонного звонка не было. Это плохой показатель. – Печально улыбаясь, проговорил Олег Афанасьевич.

Дверь распахнулась, и в кабинет шумно вошел Ефимов Костя. На его лице светилась улыбка, и с первого взгляда было понятно, что этот человек счастлив. Осенний дождь и другие природные и жизненные катаклизмы не могли перечеркнуть его хорошее настроение.

– Что хотели от меня, убогого, Петр Никитич? – Ефимов весело посмотрел на мрачного Зубрилина.

– Кого можешь рекомендовать в командировку на фоторепортаж?

Ефимов присел на стул и развел руки в стороны.

– Да я хоть сам готов поехать! Только вот хотел еще новую девочку попрактиковать.

– Бери ее с собой, на месте и практику пройдет. – Не поддержал его шутки Зубрилин.

– Я серьезно! Катюша все просится на самостоятельный репортаж, а я пока не уверен, что она одна справится. Вот заодно и посмотрю ее в деле. А если, что не так, то подстрахую.

Костя непонятно чему рассмеялся. Однако другие мужчины не поняли шутки, и молча смотрели на веселящегося Ефимова. Тот, наконец, перестал смеяться и спросил:

– Куда съездить надо? Я как Пятачок из мультика – до следующей пятницы совершенно свободен. – Он опять рассмеялся.

– А ехать, как я понимаю надо далеко. – Сказал Олег Афанасьевич. – Возможно даже с ночевкой. Вас отвезут и привезут. Вот куда именно ехать, я, право слово, не знаю. Понял только, что далеко за городом.

– Ну и ладно! – Совершенно не расстроился Костя. – В хорошей компании, да с ночевкой – это ведь мечта детства!

Зубрилин поднял трубку телефона.

– Вера! Выпиши командировки Игорю из криминального, Ефимову и ... – Он повернул голову к Косте, – как твою девицу зовут?

– Иванова Екатерина. – Понял своего шефа Костя.

– И Кате Ивановой. Да, фотограф наш новый.

Положив трубку на телефонный аппарат, Зубрилин обернулся к Ефимову.

– Олег Афанасьевич вам все расскажет, где и когда вас будут ждать. А я вас буду ждать с победой. Надеюсь, не зря сгоняетесь, и толк от вашего репортажа будет.

Ефимов вскочил и вытянувшись по стойке «смирно» гаркнул в полный голос:

– Так точно! Задание будет исполнено! Разрешите идти?

– Иди балабол. Как тебя только девки, такого дурака, любят?

Костя уже от двери повернулся и, улыбаясь, сказал:

– Это спорный вопрос. И по поводу любви девок, и по поводу дурака. Я вернусь и напишу по этому поводу стихи. И Вы все поймете.

Ефимов вышел, и было слышно, как он что-то рассказывает Верочке. Раздался звонкий смех секретарши. Олег Афанасьевич встал со стула.

– Пойду я, мне еще надо кое-что просмотреть.

Костя проснулся в прекрасном настроении. Он полежал в постели, улыбаясь от ощущения чего-то приятного. За окном было видно чистое голубое небо. Дождя не было и это тоже было хорошо. Вообще-то он любил, когда идет дождь. Но не такой холодный и серый, как вчера, а летний теплый дождик. В такие дни Костя любил сидеть у окна и наблюдать за прохожими. Было приятно чувствовать, что он вот сейчас сидит дома, в тепле, пьет ароматный кофе, а там, за окном другой, мокрый и неприветливый мир. В такие минуты вспоминалось прошлое, грусть наполняла сердце, и хотелось просто расслабленно сидеть, разглядывая потоки воды на улице.

Костя жил один, в небольшой однокомнатной квартире. Сам он был из небольшого городка в Сибири и в большой город приехал много лет назад поступать в институт. После окончания учебы он устроился на работу в редакцию газеты и довольно быстро выдвинулся в главные фотографы. Нельзя сказать, что это была исключительно его заслуга. Нет, просто немного повезло.

Что касается квартиры, в которой жил Костя, то и здесь к нему благоволила судьба. При чем одарила его своей улыбкой, просто по-божески. Когда Костя приехал в Петербург сдавать документы в институт, то решил снимать комнату. Но случайно познакомился на улице с пожилой женщиной, которой он помог донести тяжелую сумку до дома. Она то и предложила Косте снимать у нее однокомнатную квартиру. С первыми теплыми днями бабушка уезжала в деревню, где у нее был свой дом, а приезжала в город поздней осенью.

Костя сразу согласился. Хотя зимой ему приходилось спать на диванчике на кухне, он не расстраивался этому обстоятельству. С хозяйкой жил очень дружно, помогая ей по хозяйству. Она его звала ласково внучек, а он со временем стал называть ее бабушка. Так и жили, тихо и мирно. Зимой по выходным бабушка часто ездила к своим подругам и всегда предупреждала Костю, в каком часу она собирается вернуться. В такие дни Костя приводил домой своих подруг, но за час до предполагаемого появления хозяйки, мило выпроваживал их и занимался уборкой в квартире. И все были довольны.

После окончания института не надо было думать о том, где проводить ночи, само собой, что он остался жить по старому адресу. Ритм жизни налачился.

А спустя еще пару лет хозяйка предложила Косте оформить квартиру на него. Сказать, что он долго отнекивался, было бы неправдой. Костя принял это предложение как должное, так как считал, что он заслужил этот подарок судьбы. Спустя еще несколько лет бабушка умерла и Костя, похоронив ее, стал единоличным хозяином пусть небольшой, но отдельной квартиры.

Каждый год на Троицу он ездил на кладбище, чтобы привести в порядок могилу бабушки после зимы и совершенно искренне поминал ее добрым словом.

Первое время после смерти бабушки Костя был счастлив той жизнью, что живет. Но с каждым годом ощущал какое-то неудовлетворение от своего одиночества. Хотя он был большой весельчак и заводила во всех компаниях, где бывал, но друзей у него почти не было. Да что там почти! Их не было совсем. Знакомых, да, было много, но друзей не было. Не было тех близких людей, с кем можно поделиться самым сокровенным, горестным или радостным.

Костя вздохнул и, соскочив с дивана, на котором он спал, пошел готовить себе неизменную чашечку кофе.

– А хорошо бы сейчас поцеловать кого-нибудь в милый курносый носик. – Вслух сказал он, обращаясь к своему отражению в зеркале.

Приготовив кофе, он устался в окно. «Пожалуй, вот именно этого мне и не хватает. Утреннего поцелуя. Так хочется каждое утро говорить кому-то – Доброе утро! И чтобы тебе тоже это говорили в ответ».

– Ладно, у нас еще все впереди! – Костя подмигнул себе в зеркало и стал одеваться.

Часть вторая. Поездка

Костя уже издали увидел Игоря и Катю. Они стояли у самого выхода из парка и о чем-то оживленно болтали. Катя удивленно восхищенными глазами смотрела на Игоря, и ее рот был чуть приоткрыт в удивленной улыбке. Со стороны могло показаться, что она по уши влюблена в своего молодого мужчину. Но Костя знал, что эта девушка практически на весь мир смотрит восхищенно и удивленно.

«А я уже ничему не удивляюсь» – с грустью подумал он о себе.

– Привет молодому поколению! – Костя распахнул руки для объятий.

– Ой! Вы уже подошли. – Радостно воскликнула Катя. – А мы думали, Вы опоздаете.

Мужчины пожали друг другу руки.

– С чего это вдруг я должен был опоздать? – Деланно удивился Костя.

Катя засмузилась и испуганно посмотрела на Игоря. Тот похлопал Костю по плечу.

– Я просветил Катю по поводу твоих ночных дежурств.

– Каких... – Хотел было спросить Костя, но передумал. Лучше уточнить потом у Игоря, что он там про него нарасказывал. Может быть он теперь выглядит в глазах девушки героем. Так не надо развенчивать этот образ.

– Я хотел сказать – каких только ситуаций не бывает. Но надо всегда оставаться человеком и ко всему относиться с юмором.

Катя прыснула смехом в ладошку. Игорь посмотрел на нее осуждающе и сказал:

– Совершенно с тобой согласен Константин, из любых неприятных ситуаций нужно выходить с высоко поднятой головой. Как говорил Горький!

– Что-то я не помню такого у Горького. – Засомневался Костя.

– А и не важно, помнишь или нет. Главное знать.

– Уж больно мудро говоришь. – Костя поморщился. – Лучше побалуй нас какой-нибудь очередной байкой, а то покаждемся нашего таинственного экскурсовода, совсем грустно станет.

Игорь пожал плечами.

– Я байками не особо увлекаюсь. Не любитель этого дела, так сказать.

Катя всплеснула руками и, дотронувшись пальчиком до груди Игоря, просительно произнесла:

– Игорь, ты ведь постоянно крутишься среди ментов. Они тебе кучу историй могли рассказать. Вспомни, ну пожалуйста.

– Во-первых, я не кручусь среди ментов, но так и быть. – Он закурил и какое-то время молчал. – Расскажу я вам то, что мне рассказывали, что им рассказывали.

– О великий и могучий русский язык! – Закатил глаза к небу Костя. – И этот человек работает в газете. Можно сказать, несет людям свет просвещения. А потом мы удивляемся необразованности нашей молодежи.

– А что я такого сказал? – Не понял Игорь.

– Ладно, проехали. Давай, излагай свою историю.

– Знакомый рассказывал. Есть у него друг, служит в органах. Ну и на днях жаловался. Перевели его в какое-то хитрое межрегиональное подразделение. Все вроде бы хорошо, и зарплата, и обеспечение, и льготы там разные. Но есть один нюанс. Какой, спрашиваю. Он помялся и говорит. – Название убивает. Главное Управление Министерства Юстиции. Я говорю, ну и что, название как название. У нас и не такое встретить можно. А он говорит, – Не понимаешь? А ты прикинь, врываемся мы на объект, с другими службами. Все люди как люди: работает РУБОП, работает ОБЭП, работает ОМОН. А мы – Внимание! Работает ГУМЮ! Люди ж от смеха на пол начинают падать. Вот такая история.

Катя звонко рассмеялась, а Костя лишь улыбнулся. Эту байку он слышал уже неоднократно, и от того же Игоря, в том числе. Он посмотрел на часы.

– Однако время пить, а нас еще завтраком не кормили. Мой дедушкин хронометр показывает пять минут одиннадцатого.

– Здравствуйте! Вы из редакции «Всеобщей газеты»?

Рядом с ними остановился мужчина с бородой. Он подошел незаметно, буквально возник из ниоткуда. Еще несколько секунд назад вокруг никого не было, и вдруг он появился.

– Добрый день! – Игорь оценивающе оглядел незнакомца. – Мы уж решили, что никто не придет.

– Я давно наблюдаю за вами. Но вас пришло трое, а не двое, как договаривались.

Игорь пожал плечами.

– Это так существенно?

– Это несколько меняет планы нашей дороги. Вы действительно хотите поехать втроем?

– Я не понимаю, какая разница, трое нас или двое, – вступил в разговор Костя, – мы все из редакции. Это вот Игорь, наш начальник отдела. Катя – фотограф, а меня зовут Константин. Я и фотокорреспондент и просто журналист.

Что-то не нравилось Косте во внешности их собеседника. Была какая-то неуловимая фальшь во всем его облике. «Может быть, борода накладная?» – размышлял он, оглядывая незнакомца.

– Одну минуту. Я с вашего позволения сделаю звонок. – Бородач отошел на шаг в сторону и достал трубку телефона. – Они хотят ехать все. – Сказал он в трубку.

Видимо выслушав ответ, он неожиданно улыбнулся, сквозь заросли на своем лице и сказал:

– Хозяин будет рад видеть вас всех.

Игорь с Костей переглянулись. Что-то им обоим не нравилось, но что именно, понять было сложно. Наконец Костя усмехнулся и спросил:

– Скажите, а могу я Вас сфотографировать?

Незнакомец не удивился вопросу и, сделав приглашающий жест рукой, произнес:

– Давайте немного прогуляемся вдоль парка. Я вам кратко объясню, как мы будем ехать и постараюсь ответить на ваши вопросы. Вопросы, пожалуйста, задавайте только по поводу дороги. Все остальное вы узнаете позже. И в части – можно ли меня фотографировать, или нет. Конечно можно. Только здесь-то зачем? Когда мы приедем на место, то снимайте, сколько вашей душе угодно. Захотите ли сами, это уже вы решите.

Все сказанное было непонятным и в то же время ясным. Первой задала вопрос Катя:

– Скажите, а далеко ехать?

– Если пробок на дороге не будет и непредвиденных обстоятельств в пути не произойдет, то часам к восьми вечера мы приедем на место.

– Ого! – Воскликнул Костя. – Однако, не в Магадан ли Вы нас собрались отвезти?

– Да, далековато, – поддержал его Игорь, – это получается, мы назад не завтра вернемся, а только послезавтра?

Бородатый мужчина остановился и стал неспешно объяснять:

– Дорога дальняя, это верно. Когда мы приедем, то вас накормят хорошим, уверяю вас, ужином, далее хозяин познакомит вас с домом. После этого за вечерним кофе и спиртным, если кто употребляет, вам будет рассказана история жизни хозяина. Потом вы отдохнете. У каждого из вас будет своя комната, со всеми удобствами. Ну, а уже утром, после завтрака, с вами проведут экскурсию. И поверьте мне – эта экскурсия вам запомнится на всю жизнь. Ничего подобного вы не видели и никогда больше не увидите.

– А борода у Вас накладная? – Не удержался от вопроса Костя, который все больше и больше раздражался, не понимая сам, почему.

– Борода у меня накладная. И усы тоже. И на лице грим. – Совсем спокойно ответил мужчина.

– Скажите, пожалуйста, как Вас зовут? Наверное, будет удобнее, если мы Вас будем называть по имени. – Катя просительно посмотрела на незнакомца.

– Зовут меня Меркурий. Это не мое настоящее имя, но я привык, что меня называют этим именем. И вы можете так называть. – Он поднял руку, как бы в приветственном жесте.

– А на чем мы будем добираться до вашего тайного жилища? – Спросил Костя. – Самолетами-пароходами или вы нас десять часов на машине будете везти?

– На машине. А вот, кстати, и она. Давайте садиться.

Рядом остановилась большая машина с затемненными стеклами. Меркурий открыл заднюю дверь, приглашая журналистов. В салоне было семь пассажирских мест. Игорь с Костей расположились на задних сиденьях, а Катя устроилась перед ними. Еще ряд мест на переднем ряду остались свободными. Меркурий сел на место рядом с водителем.

– Здравствуйте! – Поприветствовали журналисты водителя.

Тот молча кивнул головой. Был он тоже с бородой и в темных очках. Машина тронулась с места. Меркурий достал телефон и набрав номер произнес в трубку:

– Мы поехали.

Игорь достал какой-то журнал и углубился в чтение, периодически хмыкая. Катя, порывшись в сумочке, выудила оттуда зеркальце и стала прихорашиваться.

– Скажите Меркурий, а если ехать так далеко, то почему бы не добраться поездом? Люблю поезда, едешь, тебя убаюкивает под перестук колес. – Костя любил во всем определенность и сейчас наконец понял, что его раздражало. Неопределенность ситуации.

– Поездом туда не доехать – Не поворачивая головы, ответил Меркурий.

– В глуши дом стоит? А вокруг, наверное, волки злые бегают. У нас Катя волков боится, не съедят ее там?

– Чего это я их боюсь? Они такие милые зверюшки, очень симпатичные.

– Нет, волков там нет. Дом охраняется собаками. И находится он не в глуши. – Проговорил Меркурий.

– Ну, слава Богу! – Дурашливо воскликнул Костя. – А то я за нашу Катеньку отвечаю головой. Ей еще жить и жить, замуж выходить, детей растить.

Игорь рассмеялся в полный голос.

– Ты что? – Удивился Костя.

– Извините. Просто как раз читаю в журнале рубрику – «Цитаты с женских форумов». Вот послушайте парочку шедевров: «Я ему в лицо сказала, или он перестает ездить на свои рыбалки, или я ухожу. Девчонки, мужика нужно ставить на место в первый же день после свадьбы, а то еще распухнет». Каково, а!? Или вот еще: «А мой меня каждый год по Испаниям да Турциям катает. И я бы не сказала, что чувствую себя виновато. Это долг мужчины, делать для женщины всё». Ну а это вообще хоть стой, хоть падай: «Он меня как-то попросил посуду помыть. Я ему объяснила, что, когда согласилась жить с ним, я не имела в виду что буду его ишачкой, пусть радуется что хотя бы секс стабильный».

Все засмеялись. Даже Меркурий немного похихикал. Только мрачный водитель даже не улыбнулся.

– Это я вам читал еще нормальным языком. Здесь ведь напечатано со всеми орфографическими ошибками, как эти дамочки и пишут. Это даже не тот исковерканный русский язык, который молодые неучи называют албанским. Якобы – это их сленг! Какой к дьяволу сленг, когда они просто писать правильно не могут. И не знают! Вот в чем беда! – Игорь раздраженно чуть ли не выкрикнул последнюю фразу.

– Ты не прав, дорогой. – Примиряюще сказал Костя. – Тебе сколько, тридцать пять? Вот, ты просто человек уже другого поколения. Ты не можешь понять мировоззрение людей

старшего поколения, скажем Олега Афанасьевича, а молодые не могут понять тебя. Так было и так будет всегда.

Машина свернула на окружную дорогу и помчалась на север. На какое-то время все замолчали. Игорь продолжал читать свой журнал, иногда что-то пометая карандашом на полях. Костя безразлично смотрел в окно, думая о том, что вот ему уже за тридцать, а дома как такового нет. Нет жены, о детях вообще говорить глупо. «Надо бы определяться. Жизнь проходит, а жить не для кого». – Философски подумал он.

Костя бросил взгляд на Катю. Девушка увлеченно читала в журнале статью о фотошопах, смешно шевеля накрашенными губками. «А девочка молодец. Молодая, красивая, смешливая вся такая, а к работе серьезно относится». Костя тихо улыбнулся. Вот такую бы ему жену, приятную во всех отношениях. Но, увы, увы! Он был сторонник правила – не заводить романов на работе. Костя был большой бабник, но этого правила всегда придерживался. Даже если и пускал мужские слюни при виде некоторых сотрудниц газеты, лишнего себе не позволял.

Игорь отложил журнал в сторону, неожиданно вспомнив вопрос, который ему задал Олег Афанасьевич: «Скажите Игорь, в Вашем понимании, известность и знаменитость – это разные вещи?». А действительно, какая разница между этими двумя понятиями? Игорь задумался.

Неожиданно его кулаком в бок ткнул Костя и тихо спросил:

– Что вы там про меня хихикались, пока ждали?

Игорь улыбнулся и, наклоняясь к Косте, стал рассказывать.

– Катя спросила меня, почему ты до сих пор не женат. Ну, я же не стал ей объяснять про твою неудачную свадьбу в юности. А рассказал, что ты ночами подрабатываешь в морге. Фотографируешь покойников. Особенно любишь снимать разные части тела у мертвых женщин. Для того, чтобы создать давно тобой задуманную композицию об этом, и потом устроить фотовыставку. Которая будет иметь колоссальный успех. Поэтому ты очень устаешь, и к тому же живые женщины тебя теперь не интересуют.

– Ты, гад! – Костя даже поперхнулся от возмущения. – Катя, неужели ты могла поверить во всю эту чушь!? Я, что, похож на некрофила? Да для меня ощутить прелесть женского тела – это верх блаженства.

– Вот, вот, и я о том же говорю.

– Идиот! – Возмутился Костя. – Живых я люблю баб, понимаешь, живых!

Он повернулся к девушке. Та смотрела на него насмешливыми восторженными глазами.

– И в морге я не подрабатываю. – Уже спокойнее продолжил Костя. – Сплю я по ночам. У себя дома. Один.

– А почему у Вас все-таки нет девушки, Костя? – Улыбнулась ему Катя.

Он хотел ответить, но его перебил Игорь.

– Он не скопил еще денег на калым. Я вот здесь в журнале прочитал еще оду мудрую мысль с женского форума. Так, где она эта мысль, – Игорь полистал журнал, – ага, вот: «В Европе ни одна уважающая себя девушка не согласится на сожительство до тех пор, пока на ее счет молодой человек не положит 10 тысяч долларов». Вот наш Костя и копит. Я только не понял из этого форума, 10 тысяч – это за один раз или вообще.

– И меня еще все считают балаболом. – Осуждающе сказал Костя. – Да я тебе в подметки не гожусь.

– Костя, – просительно сказала Катя, – и все-таки, почему Вы не женаты?

– Потому, что раньше не встретил такую девушку, как ты. – Серьезно ответил Костя. – Вот теперь мучаюсь. Или мне увольняться, чтобы сделать тебе потом предложение, или тебя уволить.

Катя залилась румянцем. «Господи, а я ведь действительно хочу, чтобы она стала моей женой» – С тоской подумал Костя.

Машина притормозила и остановилась на обочине дороги. Меркурий повернулся к журналистам и проговорил:

– Я вынужден доставить вам некоторое неудобство. Но это вынужденная мера и вы должны понять ее правильно.

Он достал откуда-то из сумки черные повязки с большими наглазниками и протянул их ближайшей к нему Кате.

– Мы не хотим, чтобы вы знали, где находится дом. Поэтому часть пути вам придется ехать с завязанными глазами. Я пересяду к вам в салон на передние сиденья и, с вашего позволения, буду контролировать, чтобы вы не подглядывали.

– Вот это да! – Костя посмотрел на своих спутников. – Мы об этом не договаривались.

– Если вас не устраивают наши условия, – спокойно сказал Меркурий, – то мы отвезем вас назад к Парку Победы и расстанемся. Или вы принимаете наши условия, или экскурсии не будет.

– Мы принимаем условия. – Ответил Игорь и стал надевать повязку, которая оказалась на резинке.

– Мы принимаем бой, сказал Маугли! – Костя тоже надел повязку.

Замешкалась только Катя. Она опять покраснела и спросила:

– Скажите Меркурий, а как долго нам придется ехать с завязанными глазами? Если я...

– Она замялась.

– Мы обязательно сделаем остановку. Для туалета. – Правильно ее понял Меркурий. – И потом мы еще остановимся, чтобы перекусить. Дорога дальняя.

Убедившись, что журналисты теперь сидят с повязками на глазах, он пересел в салон, лицом к журналистам и тронул за плечо молчаливого водителя. Машина тронулась с места.

– Зато будет, что вспомнить. – Костя заложил руки за голову и потянулся. – Подремать, что ли. Вы бы Меркурий музыку, какую-нибудь, поставили, а то действительно можно заснуть.

– Да, действительно, можно попросить радио включить. – Откликнулся Игорь.

– Увы, но здесь нет радио. – Сказал Меркурий.

– Как нет радио, а магнитола? – Удивился Костя.

– И магнитолы тоже нет. Она здесь не нужна. Чтобы вам было не очень скучно, я прочитаю вам стихи.

Я давно уже маму не вижу,
Разделила меня с ней судьба,
И за то я себя ненавижу,
Что ее я сердил иногда.
Моя мама березкою белой,
Средь тайги улыбается мне...

Чем дальше читал стихи Меркурий, тем тоскливее становилось на сердце у Игоря. Он вспомнил, что в юности тоже писал стихи, и посвящал их своим мимолетным подругам. Подруг было много, и в каждую он влюблялся как в первую и единственную. И каждой писал стихи. И о каждой думал, что вот это она, та с которой он пройдет по жизни. Но потом страсть утихала и примерно через месяц его начинала раздражать та, которой он еще недавно клялся в любви. А потом он встретил Аллу, свою будущую жену. Начало их знакомства было как под копирку с остальными девушками – пламенная страсть, стихи, обещание любить вечно. Но неожиданно Алла сообщила ему, что беременна. И он повел себя как последний трус. Он сбежал от нее. Не отвечал на ее звонки и не появлялся в обществе их общих знакомых. Так прошел месяц. И с каждым днем Игорь понимал, что ему не нужна уже другая женщина, он хочет видеть рядом с собой Аллу, смотреть в ее глаза и целовать ее губы. Через месяц он не выдержал этой пытки

расставанием и пришел к ней домой. Дверь ему открыл ее отец и ни слова не говоря, дал ему в зубы.

– Меркурий! – Прервал воспоминания Игоря голос Кости. – Стихи Вы читаете хорошие и читаете их хорошо. Но они очень печальные. А когда сидишь с завязанными глазами, то представляешь себя не очень уютно. Почитайте какие-нибудь веселые стихи.

– Веселых стихов никогда не писал и не знаю их. – Ответил Меркурий. – Могу рассказать веселую историю, которая приключилась лет десять назад с моей бывшей знакомой. Она тогда была учительницей в младших классах. Подходит как-то к ней во время перемены маленькая, серьезная второклассница в очочках и спрашивает: – Лариса Ивановна, что такое – минет? Моя знакомая медленно теряет сознание – семью любопытного ребенка она знает давно. Хорошие, солидные люди, слов таких дома никогда не употребляют. Откуда ребенок знает такое слово? Но, подавив в себе ненужные чувства, педагог все же, аккуратно начинает вываживать из ребенка сведения: – Девочка, а где ты это услышала? И от кого? – А в "Родной речи" написано. – Спокойно отвечает девочка. Полный шок бедной учительницы, но, все же стараясь не упасть в обморок от услышанного, она просит показать, где это написано. Девочка достает учебник, открывает его на нужной странице и читает: – Когда Илье Муромцу минет тридцать лет.

Все, кроме, водителя, посмеялись, но не очень громко. Когда у тебя завязаны глаза, даже если известно, что это ненадолго, все равно есть ощущение дискомфорта.

Некоторое время все ехали в молчании. Катя нащупала у себя в сумочке плеер и вставила наушники в уши. Костя скрестил руки и, прислонившись головой к боковому стеклу, задремал.

Игорь опять предался воспоминаниям. После случившегося, когда отец Аллы ударил его по лицу, он каждый вечер приходил к ней домой. Дверь ему все так же открывал ее отец, но больше не бил. А молча, одной рукой отталкивал Игоря, а другой закрывал дверь. Так продолжалось неделю. А в воскресенье, он хорошо запомнил, что это было воскресенье, ее отец не стал отталкивать Игоря, а молча посторонился, пропуская в квартиру. Он тихо прошел в комнату Аллы и встал перед ней на колени. И стоял так около часа. И она стояла и молчала. Потом взяла его голову, сильно прижала к себе и разрыдалась. А на следующий день они подали заявление в ЗАГС.

Он очнулся от воспоминаний, потому что понял – машина давно стоит и не трогается с места. Хлопнула дверца. И опять наступила тишина. Игорь протянул руку вперед и нащупал плечо Кати.

– Игорь, Вы что? – Испуганно спросила девушка.

– Почему мы стоим?

– Может мы уже приехали? Тогда, рота подъем! – Воскликнул проснувшийся Костя.

Ему никто не ответил. Костя похлопал в ладоши.

– Эй, люди!

– Может нас завезли в лес и бросили? – Опять испуганно спросила Катя. – Давайте посмотрим.

Она поднесла руку к повязке, но тут раздался звон колокольчика. Катя быстро отдернула руку.

– Ой, кто здесь?

Хлопнула дверца, и раздался голос Меркурия.

– Можете снять повязки. Время перекусить, перекурить, ну и другие желания исполнить.

Все быстро снимали с себя повязки и стали оглядываться. Машина стояла на поляне в окружении леса. Было непонятно, каким образом они сюда попали – дорог и даже тропинок вокруг не наблюдалось.

– Можно выходить. – Меркурий распахнул дверцу. – Рядом столик стоит, там все необходимое для принятия пищи.

Один за другим все вышли из машины. Там остался только водитель. Катя, оглядевшись по сторонам, пошла в заросли кустарника. Игорь с Костей подошли к раскладному столику, на котором лежали различные бутерброды и стоял большой термос с надетыми на него одноразовыми кружками.

– Неплохо. – Сказал Костя. – Если бы еще и бутылочка коньяка была! – Он мечтательно почмокал губами.

– Коньяк будет вечером, когда доберемся до дома. – Проговорил подошедший Меркурий.

– Вы с таким уважением всегда говорите про этот загадочный дом, что так и хочется написать его с большой буквы. – Игорь взял тарелку и стал выбирать бутерброд.

– Так и напишите с большой буквы. Вам никто не мешает. – Улыбнулся Меркурий.

Из леса вышла Катя и подойдя к мужчинам, грустно спросила у бородача:

– Кроме кофе, или чего там у Вас в термосе, у Вас не найдется просто воды?

Меркурий наклонился и достал из-под столика бутылку с минеральной водой.

– Вам полить?

– Если Вам не трудно?

Через десять минут, когда все насытились, и курильшики затянулись дымом своих сигарет, Катя спросила у их сопровождающего:

– Скажите, пожалуйста, Меркурий, а почему наш шофер не кушает с нами?

– Он покушает вечером.

– Я дико извиняюсь, – Вмешался Костя, – но почему он у вас такой молчаливый? И вообще он очень странный. Я первый раз в жизни вижу шофера, который в дороге, в дальней дороге, не слушает музыку. Никакую!

– Я тоже не люблю слушать музыку. – Улыбнулся Меркурий. – А Слава, наш водитель, просто глухой.

– Ой, бедненький! – Всплеснула руками Катя. – Как мне его жалко.

– А вот жалеть его не надо. Он очень счастливый человек. – Меркурий внимательно посмотрел на Катю. – Потому что у него есть работа. Очень любимая работа.

– Вы считаете, что самое главное в жизни – это любимая работа? – Спросил Игорь, старательно разглядывая окружающие заросли, пытаясь понять, как же сюда заехала машина. Если, только петляя между деревьями.

Меркурий стал складывать в сумку продукты, оставшиеся на столе. Катя кинулась ему помогать, но он так осуждающе посмотрел на нее, что она оставила в покое свои попытки. Уложив все в сумку и сложив столик, Меркурий открыл багажник на крыше автомобиля, и все туда убрал. Только после этого он повернулся к Игорю и ответил:

– Давным-давно была сказана мудрая фраза: счастье – это когда утром тебе хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой. Я с ней полностью согласен.

Игорь пожал плечами.

– Возможно, так оно и есть. Но если работа нравится, то человек обычно веселый, в хорошем настроении. А по Вашему Славе я бы этого не сказал. Даже несмотря на то, что он глухой, уж извините меня.

Меркурий внимательно посмотрел на Игоря. Нехороший это был взгляд, какой-то холодный, проникающий до глубины души. Потом бородач опять улыбнулся.

– И все же Слава счастливый человек. Хотя и глухой. И к тому же немой.

Журналисты молчали.

– И у него нет левого глаза.

У Кати расширились глаза, и она обхватила ладонями свои щеки, пунцового цвета.

Меркурий говорил медленно, не повышая голоса, и оттого его слова звучали еще злое.

– И он не может есть обычную пищу. У него вставлен катетор.

У Игоря к горлу подкатил комок, и он пытался справиться с неприятными ощущениями, возникшими в желудке.

– И ко всему прочему – Слава оскоплен. Он никогда не сможет узнать радость отцовства. Катя закрыла рот двумя руками и кинулась в кусты. Ее сильно тошнило.

– А Славе всего-навсего двадцать пять лет. – Окончательно добил всех Меркурий.

– Петр Никитич, не заняты? – В кабинет заглянул Олег Афанасьевич.

Зубрилин махнул рукой.

– Заходи.

– Что хотели? Вроде утром все обговорили. – Олег Афанасьевич присел на краешек стула и по привычке стал протирать очки.

Зубрилин вылез из-за стола и, вышагивая по кабинету, заговорил:

– Заезжал час назад ко мне Игнатьев, из журнала «Любимые факты», знаешь такого?

– Знаю. – Медленно ответил собеседник. – И журнал знаю и Игнатьева тоже.

Зубрилин прекратил хождение из угла в угол и сел на стул, напротив Олега Афанасьевича.

– Поболтали мы с ним о том, о сем. А потом я каким-то лядом поделился с ним информацией о приглашении моих ребят на некую шокирующую экскурсию.

– И что? – Осипшим голосом спросил ветеран газеты.

– А то! – Зубрилин опять вскочил и начал вымерять кабинет шагами. Как всегда, досталось дивану. – Похоже, мои ребятки действительно будут чем-то шокированы.

– Чем? – Совсем тихо пробормотал Олег Афанасьевич.

– Не знаю! Но вот Игнатьев, бледнее и краснее, рассказал мне, что его журналисты тоже ездили в некий дом на некую экскурсию. И были в шоке.

Зубрилин помолчал.

– Подробностей не знаю! Не сказал мне подробностей Игнатьев. Боится он! Видно было, что боится.

Олег Афанасьевич довел чисткой стекла очков до зеркального блеска, и водрузил их на нос.

– Что-то я не читал никакого шокирующего меня репортажа в «Любимых фактах», хотя покупаю их регулярно.

– А статьи не было. Не было! Ты что, не понял? Ее побоялись давать в печать.

Главный редактор уставился в окно.

– А я вот не побоюсь! Что бы там ни оказалось, ты слышишь, я это опубликую! «Бомба», так «бомба»! Иначе газете конец.

Дальше они ехали в полном молчании. Костя старательно пытался заснуть и это ему почти удавалось. Игорь думал о том, что хорошо бы вернуться домой завтра к вечеру, в очередной раз помириться с Аллой и просидеть с ней до полночи, вспоминая какую-нибудь ерунду из детства. Катя ни о чем не думала. Она просто мысленно жалела своей женской жалостью бедного Славу. Ей хотелось сделать для него что-то хорошее, но она знала, что даже дотронуться до него ей будет страшно. Так и жалела. Мысленно. Не понимая как. Слезы выступили на ее глазах, и она машинально подняла руку, чтобы их вытереть.

– Катя! – Голос Меркурия был напряжен.

– Нет, нет, я просто поправить повязку. – Испуганно сказала она.

– Пивка бы сейчас холодного. – Мечтательно подал голос проснувшийся Костя. – Да пару бутылочек. Кстати, Меркурий, нам долго еще осталось жить в потемках?

– Через полчаса сделаем остановку. А там уже рукой подать. Потерпите.

– Терпим, терпим. Терпение и труд все перетрут. Так моя мама говорила раньше. – Костя с хрустом потянулся и громко зевнул. – Нет, хорош спать, а то ночью маяться буду. Знаю я себя.

– Хотите в загадки поиграем? – Неожиданно предложил Меркурий. – Так и время быстрее пойдет.

– А давайте! – Костя уселся поудобнее. – Загадка Ваша, загадка наша, идет?

– Идет. Вот первая загадка: что означает фраза – козел отпущения?

– Ну это мы знаем. – Усмехнулся Костя. – Как никак институты заканчивали. История этого выражения такова: у древних евреев существовал обряд отпущения грехов. Священник возлагал обе руки на голову живого козла, тем самым как бы перекладывая на него грехи всего народа. После этого козла изгоняли в пустыню. Прошло много-много лет, обряда уже не существует, а выражение все живёт. Правильно я ответил? Отвечаю – правильно!

– Много знаешь, плохо кончишь. – Подал голос Игорь.

– На разные реплики с трибун я не отвечаю. – Костя поднял ладонь правой руки и продолжил. – Ибо я есмь цезарь и слово мое единственно верное!

– Ну, ты наплел. Смешал все в кучу. Цезарь и старославянский язык, каким боком друг к другу лежат? Сам-то понял, что наговорил? – Игорь повернул голову в сторону собеседника, как будто мог его видеть сквозь черную повязку.

– А наплевать, понял или не понял. Главное – красиво сказал. – Костя начал раздражаться, сам не зная почему.

– Если вы позволите, – проговорил Меркурий, – то я хотел бы услышать ваш вопрос.

– Сейчас, сейчас. – Костя задумался. – Вот раз мне тут некоторые упрек высказали, по поводу старославянского, то я и вопрос задам тоже оттуда. Из глубины веков. Ответьте мне Меркурий – кто такой мастер кислых щей?

– Вопрос легкий. – Сказал бородач. – Если кого-нибудь в старину называли мастером кислых щей, это означало, что ни на что путное он не годен. Потому, что кислые щи – это немудрёная крестьянская еда: водичка да квашеная капуста. Приготовить их не составляло особых трудностей. Я ответил?

Костя захлопал в ладоши.

– Bravo! Вы меня все больше восхищаете. Все-то Вы знаете. Заканчивали что-нибудь филологическое?

– Нет. Я ничего не заканчивал. Восемь классов и все.

– Извините. – Серьезно сказал Костя. – Я не хотел Вас обидеть.

Меркурий усмехнулся.

– Обидеть Вы меня не могли. Даже если бы и захотели. Наоборот. Ваши слова означают, что меня похвалили. А вот и место нашего перекура. Сейчас остановимся и можно будет снять повязки.

С первого взгляда казалось, что эта поляна как две капли воды похожа на место их предыдущей остановки. Но это только с первого взгляда. Эта поляна была больше, а заросли вокруг гуще. Зато сразу было видно, откуда они приехали, между деревьев виднелась лесная дорога. Справа от машины росли кустарники малины. И Катя восторженно стала гладить осыпанные ягодами кусты.

– Что ты их гладишь, их кушать надо. – Улыбнулся Игорь.

– Жалко. Такая красота! – Девушка полезла в сумку и достала фотоаппарат.

Костя между тем зашел в лес, а когда вернулся, то в руке у него был большой красивый боровик. Катя кинулась к нему.

– Стойте там! Поднимите руку с грибом! Отлично! – Она снимала кадр за кадром, радостно улыбаясь.

– Много ли человеку надо для счастья. – Обращаясь к Меркурию, сказал Игорь. – Молодая, радуется всему, что видит вокруг. Это к теме о счастье.

– Мы с Вами Игорь, еще поговорим на тему счастья. Когда поедем назад, в город.

Спустя пятнадцать минут все уселись в машину и поехали дальше. В дороге Костя с Меркурием опять завели беседу, на этот раз о предсказаниях. Костя разгорячился, доказывая, что все предсказания, это чушь на постном масле. Меркурий приводил исторические примеры, верно предсказанных событий.

Игорь слушал в пол уха, удивляясь только начитанности Меркурия. Он сам бы поговорил на эту тему, но спорить с завязанными глазами ему не хотелось.

Катя спокойно слушала музыку из плеера, уже совершенно забыв о своей жалости. Она размечталась о том, что наконец-то в газете появятся фотографии, сделанные ее рукой. И не просто фотографии, а целый фоторепортаж. Ее мама будет счастлива за свою дочь. А ради мамы Катя готова была сделать многое. «Как приедем, надо будет сразу позвонить маме, чтобы не волновалась» – подумала она.

Машина остановилась и Меркурий, похоже, вышел из нее. Затем раздался какой-то непонятный скрип.

– Неужели приехали? – Шепотом сказал Костя.

– Похоже на то. – Также шепотом ответил Игорь.

Машина дернулась и медленно поехала дальше. Однако Меркурий назад не вернулся.

Проехав совсем немного, машина остановилась, и перестал работать двигатель. Дверь в машине открылась.

– Вот мы и приехали. – Сказал Меркурий. – Можете снимать повязки и выходить.

Журналисты сняли повязки с глаз и огляделись.

Автомобиль стоял недалеко от большого каменного двухэтажного дома. Только крыльцо было деревянным, как в деревенских домах, с узорчатой резьбой и коньком на угловатой крыше. Фасад здания венчали пять окон в ряд на каждом этаже. Никаких изысков не наблюдалось, дом как дом. Если бы не крыльцо, то и глаз остановить не на чем.

Первым из машины вышел Костя и сладко потянулся, подняв руки вверх.

– О, наконец-то свобода! Да здравствует вольный ветер и синее небо!

Небо было далеко не синее, а серое в разводах осенних облаков. Но после долгой дороги с закрытыми глазами даже холодный ветер вызвал у Кости радостное возбуждение.

Последней из машины, за Игорем, вышла Катя и обратилась к Меркурию:

– Простите, а Вы не можете нам теперь отдать трубки? Мне надо маме позвонить, она уже, наверное, волнуется.

Меркурий раздвинул губы в своей загадочной улыбке.

– Да, конечно, Катя. Можете звонить, кому хотите и сколько хотите. У нас примерно минут двадцать на звонки и перекур.

Он достал из карманов три сотовых телефона и протянул молодым людям. Катя сразу включила свою трубку и нахмутив брови стала листать список непринятых звонков. Чем дольше она просматривала все звонки, тем больше хмурилась. Звонок от мамы был только один. И это могло означать только одно, что ее мама очень обиделась.

– Ну, я же предупреждала тебя мамулька! – Прошептала Катя расстроенным голосом. – Не надо на меня сердиться.

Костя свой телефон не включал, (кому звонить то?) а с грустной улыбкой наблюдал за Катей. За тем, как шевелятся ее губы, как хмурятся тонкие брови. «Интересно, а какой вкус у ее губ?» – Подумал он. «Ведь целует кто-то эти губы. Целует. Но это не я».

Игорь уже успел поговорить с Аллой, послав ей горячий поцелуй и пообещав вернуться завтра вечером, а Катя все еще проверяла непринятые звонки. Наконец она вздохнула и набрала номер мамы.

– Здравствуй мамулька, это я!

Меркурий тронул за плечо Костю.

– Если Вы хотите покурить, то курите здесь. В доме курит только один хозяин, а все остальные выходят на перекур на улицу.

– Как? А зимой? На улице холодно, да и ветерок бывает такой, что просто не прикурить.

– Не совсем на улице, а вон в той будочке. – Меркурий показал рукой на небольшую будку, которая стояла вплотную к крыльцу и с первого взгляда казалась его продолжением.

Приглядевшись внимательней, Костя заметил, что деревянное крыльцо разделено на две части стеклянной перегородкой. «Забавно, – подумал он, – оригинальная конструкция». Он закурил и стал оглядывать окрестности. И чем больше он всматривался в окружающую действительность, тем больше удивлялся.

С обеих сторон от дома шел высокий забор, до уровня второго этажа. Да и весь участок земли, окружающий видимую часть дома, был окружен каменным забором. С первого взгляда казалось, что ничего необычного здесь нет. Но это только с первого взгляда. У правой стены находилась непонятная конструкция, немного напоминающая душевую кабинку. Только от угла дома до нее был укреплен металлический брус на опорах. А за кабинкой из каменного забора торчали металлические крюки. Они совсем не вписывались в окружающую обстановку.

– Интересно, зачем они нужны? – Подошедший Игорь также с любопытством рассматривал непонятные детали забора.

– Спросим. Узнаем. Пойдем. – Костя посмотрел на Игоря и добавил. – А вообще мне здесь не нравится. Есть ощущение чего-то нехорошего. Просто в воздухе витает какая-то зловеющая тайна.

– Собственно для этого нас сюда и пригласили. – Криво усмехнулся Игорь. – Чтобы шокировать до невозможности.

– Кто-то там по дороге по поводу моего литературного русского языка плохие слова говорил. Не помнишь кто? – Костя ткнул пальцем в грудь Игоря.

Тот удивленно посмотрел на товарища и непонимающе пожал плечами.

– Причем здесь литературный язык?

– Как причем? – Театрально поднял руки Костя. – Послушай сам себя: шокировать до невозможности!

– Ладно, ладно! Я надеюсь, что мы не зря сюда приехали. Будем все шокированы, пусть не до невозможности, но хотя бы до потери пульса.

Костя засмеялся. Несмотря на то, что у него действительно было ощущение чего-то неприятного, но это чувство не могло перебороть его веселый нрав.

– А вот еще нечто любопытное. – Игорь кивнул в сторону ворот, откуда они приехали.

Около обычной, стандартной, как подумал Костя, будки охраны, вдоль забора протянулся ряд из четырех собачьих конур.

– И что же здесь необычного? – Костя непонимающе уставился на собеседника. – Будки как будки. То, что их четыре... ну может для того, чтобы собачкам не грустно было по одной. Вечером их, наверное, выпускают на территорию, дом сторожить.

– А ты невнимателен. Обрати внимание – все лазы в будках закрыты железной решеткой.

Игорь закурил вторую сигарету и протянул зажигалку Косте, который тоже достал еще одну сигарету.

– Хм. А ты прав любезный. Странно это. Хотя если подумать ничего странного нет. Возможно, там такие волкодавы, что один их вид весь обслуживающий персонал в дрожь вводит. И есть один или два охранника, которых они, собачки эти, только и слушаются. Вечером выпускают собачек на волю, а рано утром опять запирают по будкам.

– Возможно. Но вот как это ты мне объяснишь?

В углу забора стояла большая оранжевая цистерна, на которой красовалась надпись -

"Вакуум".

Костя похлопал в ладоши и весело уставился на Игоря.

– Лично я ничего удивительного не наблюдаю. Представляешь ситуацию: Меркурий прибегает к хозяину и кричит – Василий Петрович, или как его там зовут? – неважно, у нас катастрофа! – заканчивается вакуум, срочно надо еще 10 кубов!

– Да, да, – Усмехнулся Игорь, – а хозяин ему типа отвечает: куда весь вакуум дели, только вчера ведь привезли.

– Хозяин, хочешь, верь, хочешь, нет, а вчера на поливку огорода весь ушел! – Подражая под голос Меркурия, сказал Костя.

– Вот вопрос только у меня есть один, – серьезно сказал Игорь. – Как его будут выгружать, вакуум этот?

Они молча курили, разглядывая теперь уже забор с левой стороны от дома. Ничего примечательного там не было, если не считать одиноко стоящего крупного чурбана, с воткнутым в него большим топором.

– Прямо-таки лобное место напоминает. Не хватает для полной картины палача и красивой обнаженной девушки с головой на плахе. – Невесело пошутил Игорь.

– Палача говоришь? – Задумчиво произнес Костя.

Он посмотрел в глаза Игорю.

– Слушай, а я сейчас понял, почему мне здесь так некомфортно.

– Почему?

– У меня такое чувство, что за нами кто-то все время наблюдает. Причем наблюдает с пристрастием. Типа, казнить их или помиловать.

Игорь сердито бросил окурок на землю и затоптал его каблуком. Ему не хотелось признаться, что такое же чувство гнетет и его.

– В конце концов нам все объяснят. И сейчас не средние века. – Сказал он раздраженно.

– Это ты к чему? – Не понял Костя.

– А к тому. Стоило ли нас приглашать только для того, чтобы казнить сразу по приезду?

– А никто и не говорит, что сразу. – Хохотнул Костя. – Вот накормят для начала печеными яблоками с медом, чтобы наше мясо было послаще и ужю тогда...

Игорь недовольно дернул плечом и сердито посмотрел на собеседника.

– Ты бываешь когда-нибудь серьезным? Или всю жизнь так и будешь хоханьки да хаханьки.

Костя приобнял Игоря за плечи и успокаивающе сказал:

– Что ты разгорячился милый мой товарищ? Я вот иногда смотрю на тебя и думаю – а хорошо, что я не женат. Иначе тоже стал бы такой же дерганый.

– На тебя дурака, даже обижаться грешно. – Игорь наконец улыбнулся.

– Эх, – мечтательно проговорил Костя, – если бы все в мире были такими дураками как я, то мир был бы прекрасен и удивителен!

Он мечтательно поднял глаза к нему, но неожиданно встрепенулся.

– Господи, а когда нас в дом то поведут? Я, честно говоря, хочу в туалет, хочу помыться, хочу кушать в конце концов! Где наш любезный провожатый?

Мужчины стали оглядываться по сторонам, но Меркурия нигде не было видно. Немного в стороне Катя все еще разговаривала по телефону, размахивая левой рукой, что вызвало улыбку у Кости. Машина с сидящим в ней Славой все так же стояла на месте, и создавалось впечатление, что она находится здесь постоянно.

Костя проговорил гнусавым голосом:

– Они постояли еще немного, потом еще немного, а потом Винни-Пух вспомнил, что ему надо идти домой.

– Совершенно с тобой согласен. – Сказал Игорь. – Надеюсь хозяева не думают, что мы свободны до следующей пятницы?

Костя заложил руки за спину и наклонив голову набок стал наблюдать за Катей. После нескольких минут молчания он повернулся к Игорю и иронично заметил:

– Вот если я и женюсь, когда-нибудь, то исключительно на такой девушке.

– Такой, это какой?

– Такой, как наша Катя. Такой же смешной до умиления.

Игорь достал уже третью сигарету и в раздражении сказал:

– А хозяин, похоже, не очень-то вежлив. Мы тут с тобой все Вини-Пуха вспоминали, так вот, если помнишь – был там и умный кролик.

– Как же, как же, помню. Кролик был действительно умный. Он угостил Вини и Пятачка медом. Во! Я же говорю, медом с яблоками нас накормят.

Игорь уже открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь в дом открылась и на крыльцо вышел Меркурий.

– Отец наш родной! – Закричал Костя. – Я есть хочу!

Меркурий подошел к молодым людям и извиняющимся тоном проговорил:

– Хозяин давно бы пригласил вас в дом, но Катя все говорила по телефону, и он решил дожидаться, когда она закончит свою беседу.

Игорь искренне рассмеялся.

– Так это, оказывается, Катя во всем виновата! Болтушка, – он обратился к девушке, – мы из-за тебя черт-те что передумали. Уж решили, что нас здесь во дворе на ночь оставят.

Катя покраснела и робко посмотрела на мужчин.

– Я, правда, не виновата. Но я с мамой всегда долго говорю.

– Мы так и поняли, что это была мама. – Весело проговорил Костя, – С молодым человеком разговор был бы краток: да, нет, не знаю, не могу! Точка!

Все, кроме Кати засмеялись. Меркурий сделал приглашающий жест рукой.

– Прошу всех в дом.

Часть третья. Черный хозяин

Меркурий провел их сразу на второй этаж и показал каждому комнату, где журналистам надо было провести ночь.

– В комнатах есть все необходимое. – Рассказывал Меркурий. – Кровати удобные, надеюсь, вам понравится. Постельное белье чистое, не переживайте. Туалет и ванная комната налево по коридору. Вы располагайтесь, устраивайтесь, как вам удобно, а через час я вас приглашу к ужину.

Он помолчал и добавил:

– Однако перед тем, как я вас временно покину, у меня будет к вам просьба. Во-первых, я попрошу опять отдать мне ваши телефонные трубки. Вы ведь уже отзвонились кому хотели? Во-вторых, здесь, в этой части этажа всего четыре комнаты, и отдельный выход на первый этаж. Так вот – я эту дверь на выход пока закрою. Через час я вернусь, и мы пойдем, как было обещано, на ужин. И, в-третьих, пускай вас не раздражает это некоторое ограничение в ваших действиях. Я очень об этом прошу. Обещаю, что завтра вы сможете ходить куда захотите.

Он опять замолчал. Молодые люди его не перебивали. Было понятно, что Меркурий еще не закончил то, что хотел сказать.

– И последнее. За ужином вы познакомитесь с хозяином. Он вам все расскажет, что хотел сказать и ответит на ваши вопросы.

– А я хотела еще домой позвонить. – Умоляюще проговорила Катя.

– Катя, Вы помните наши условия. Исключительно ради Ваших красивых глаз я разрешаю сделать один звонок. Но прямо сейчас. И недолго.

Катя, смущаясь, достала трубку и набрала номер.

«Хотелось бы, чтоб это была всего лишь мама» – подумал грустно Костя.

– Мамулька, это я. Я тебе сегодня больше не смогу позвонить, просто сообщаю, что у меня все хорошо... Да, все нормально... Мы сейчас будем ужинать, а потом я лягу спать... Да... Я тебе позвоню завтра, днем. – Катя вопросительно посмотрела на Меркурия.

Тот кивнул головой и улыбнулся.

– Целую тебя мамулька. Доброй ночи! Пока.

– Вы заботливая дочь, Катя. – Сказал Меркурий, убирая отданные ему телефонные трубки в карманы. – В наше время это большая редкость.

– А разве можно не любить свою маму? – Удивилась девушка.

Меркурий пожал плечами.

– Любовь разная бывает. Очень разная. Со стороны некоторая любовь кажется ненавистью. Но, впрочем, что я плохом. – Он широко улыбнулся. – Завтра вы откроете для себя такое разнообразие любви, что этого хватит вам на всю жизнь. Ну, не буду вам мешать. И так, через час я найду.

Он вежливо наклонил голову в поклоне и вышел за дверь. Было слышно, как повернулся ключ в замке.

– Однако! – Промолвил Костя. – Чем дальше, тем интересней. Ладушки, кто первый в туалет? Чур, я!

– А я первая в ванну. – Катя посмотрела на Игоря.

– О чем речь Катюша, конечно.

Игорь прошел в отведенную для него комнату и огляделся. Широкая кровать с большим белоснежным одеялом стояла у левой стены. Журнальный столик с придвинутым к нему стулом располагался у стены прямо напротив двери. И небольшой шкафчик у правой стенки. Все. Больше в комнате ничего не было. Даже окна, на что Игорь обратил внимание в первую очередь. Это обстоятельство его немного расстроило, но не сказать, чтобы очень.

– Перекантуемся ночку. – Проговорил он, усаживаясь на кровать. – И не такое в жизни бывало.

Он вспомнил вчерашний разговор с Аллой. Она опять наотрез отказалась от очередного предложения Игоря завести ребенка. После аборта она панически боялась забеременеть. Игорь неоднократно пытался уговорить ее сходить на консультацию к хорошему психиатру, но она только насмешливо смотрела ему в глаза и говорила постоянную фразу: «Мне хватило одного раза. Больше не хочу». Если Игорь заводил разговор об этом с тестем, то тот только хмурился и отмалчивался. Игорь понимал, что тесть до сих пор зол на него за прошлое и видимо никогда не простит.

– Плевать! – Игорь вскочил с кровати. – Возможно, Костя прав, надо жить для себя и ни о чем другом не думать!

Он начал вышагивать из угла в угол, раздраженно сжимая и разжимая кулаки. В его семье было все хорошо, была любовь жены, в этом он не сомневался, были тихие вечера, когда они вдвоем сидели, обнявшись и молчали. Он вдыхал запах ее волос, наслаждаясь их ароматом, а она изредка касалась его шеи своими теплыми губами, и им обоим было хорошо. Очень хорошо!

Но он хотел ребенка. Не важно, мальчика или девочку. Он хотел приходить домой и, чтобы его встречала любимая жена со счастливыми глазами, потому что сегодня их ребенок сказал первое слово. Или у него прорезался первый зуб. Или просто потому, что он, или она, сейчас тихо спит в своей кроватке и от этого так здорово и уютно в их доме!

Однажды один знакомый сказал Игорю: «Да брось ты ее! Какие твои годы, найдешь ты себе прекрасную бабу. Нарождает она тебе сколько захочешь. И будешь счастлив!»

Но, к сожалению, или к счастью, это с какой стороны посмотреть, Игорь любил свою Аллу. Любил выстраданной любовью уже зрелого мужчины. И другая ему уже была не нужна. Да, конечно, в его жизни были мимолетные встречи с другими женщинами. Но это все было несерьезно. Минуты затмения сердца и проблеска желания, как говорил в таких случаях Костя.

А последнее время Алла стала намекать Игорю, что неплохо было бы, если бы ее муж домой и денег побольше приносил. Игорь злился и в такие дни они ругались. Но вот удивительно, даже во время ссор, он замечал, что Алла ругалась с ним не зло, а как-то настороженно. Словно боялась перешагнуть тот рубеж ссоры, когда начинаются взаимные оскорбления.

Игорь вздохнул.

– Как-то раньше я об этом не задумывался. Может быть, она специально со мной ругается, для каких-то своих целей? – Он по-мужицки почесал затылок.

В дверь постучали.

– Игорь, ты мыться пойдешь? Заведение освободилось.

Игорь открыл дверь. В коридоре стоял Костя и улыбался.

– Душ – блеск! С автоматической регулировкой температуры. Как в Японии.

– Ты был в Японии? Не слышал об этом.

Костя зашел в комнату и огляделся.

– Та же спартанская обстановка, что и у меня. Так сказать, комнаты для неожиданных гостей. Не удивлюсь, если здесь по углам и видеокамеры понатыканы. – Он поднял голову и оглядел потолок.

Игорь взял полотенце и усмехнулся:

– Пускай следят, лишь бы микрофонов не было.

– А что так? – Удивленно поднял брови Костя.

– Да я храплю во сне. Боюсь, как бы мой храп хозяина не испугал.

– Как много у тебя недостатков, однако! Как Алла то с тобой спит, в берушах что ли?

– Не-а, она мне нос пальцами закрывает, я и просыпаюсь. Ну, я пошел, сполоснусь, а то уже скоро Меркурий будет трубить на ужин.

Зал, куда привели молодых людей на ужин, оказался просторным. Посередине стоял небольшой стол, на шесть персон и больше, кроме стульев, в зале ничего не было. Костя сел рядом с Катей, а Игорь с Меркурием, напротив.

Одна из дверей открылась и в зал вошла средних лет женщина с большим суповником в руках. Журналисты нестройно поздоровались, на что женщина лишь кивнула головой и, поставив суповник на стол, стала разливать суп по тарелкам.

– Супчик то грибной. – Тихо проговорил Костя, немного наклонившись к Кате.

– Это хорошо. – Ответила она тоже шепотом. – Я очень люблю грибной суп.

– Надеюсь, над нами не проведут эксперимент на тему, как люди грибочками травятся. – Костя смотрел на Катю веселыми глазами.

– Ой, Костя, не шутите так, пожалуйста.

– Здравствуйте молодые люди, рад видеть вас в своем доме.

В дверях стоял высокий мужчина в черной маске, скрывающей верхнюю часть лица. Он был, как и Меркурий бородат и с усами. Только борода была иссиня черного цвета, а усы ярко рыжие. На нем был одет то ли плащ, то ли балахон, ниспадающий почти до самого пола. Картину одеяния завершала желтая шапочка, полностью скрывающая прическу хозяина дома. В дополнении ко всему был замечен микрофон от блютуза, закрепленный за ухом. Только сам микрофон почему-то располагался прямо у губ незнакомца.

«Как он будет кушать с этой штукой?» – подумал Игорь, здороваясь с хозяином, вместе с остальными.

Человек в черном сел во главе стола и оглядел присутствующих.

– Давайте знакомиться. Как вас зовут, я уже знаю, поэтому представлюсь сам. Меня зовут Александр Александрович. Имя это вымышленное, свое настоящее я вам называть не стану. Чтобы вам было проще в общении со мной, то называйте меня просто Сан Саныч. С представлением меня мы на этом закончим, и я предлагаю для начала перекусить, как говорили в старину – чем Бог послал. А по завершении нашей трапезы я расскажу вам, зачем и для чего, собственно, я вас сюда пригласил. Если возражений нет, то давайте кушать, а то уже вкусный суп остывает.

Он отодвинул в сторону от губ микрофончик и первым стал есть. Молодые люди с аппетитом заработали ложками. Суп действительно оказался очень вкусным. Несколько минут прошли в молчании, раздавался только небольшой стук ложек о тарелки. Первым опустошил свою тарелку Костя, облизал ложку и немного отвалившись на стуле, заметил:

– Как я давно не ел нормальный домашний суп. Питаюсь или в кафешках, или дома. И то, дома, что я себе готовлю – пельмени да сосиски, иногда яичницей побалуюсь.

Он посмотрел на Игоря, который казалось смаковал каждую ложку супа, внимательно разглядывая ее содержимое, перед тем, как занести в рот.

– Игорю жена готовит, Кате мама, а у меня сердечного даже знакомой поварахи нет на примете. – Костя демонстративно грустно вздохнул.

Однако никто не поддержал его в разговоре. Все сосредоточенно ели, глядя в свои тарелки.

– А я вот читал где то, что во время аристократических обедов было принято вести светскую беседу. – Костя попытался все-таки разговорить собеседников.

– Есть одна хорошая русская поговорка, – не спеша проговорил Меркурий, глядя на Костю, – когда я ем, я глух и нем.

Костя поднял ладони кверху и замолчал. «Действительно, что я развеселился, – подумал он, – пускай все поедят спокойно. Вон как моя прелестница за обе щеки уплетает». Он, внутренне улыбаясь, стал наблюдать за Катей.

Вся остальная часть ужина прошла в безмолвии, прерываемом только приходом прислуживающей женщины, которая меняла блюда. Хотя, если честно, смен блюд было немного: после супа каждому поставили по тарелке с куском свинины и картофельным пюре, а на десерт был сладкий салат, от которого Костя с Игорем мысленно поморщились. Они оба не любили сладкие салаты. Зато Катя уплетала его за обе щеки.

Когда с салатом было покончено, то каждому принесли по чашечке ароматного кофе. И опять Костя слегка поворчал про себя. Он предпочитал вечером пить просто сок, желательно томатный или виноградный. Но дареному коню в зубы не смотрят, решил он, и вместе со всеми стал прихлебывать кофе, раздумывая – взять или нет одну из сахарных трубочек, которые были в вазочке на середине стола. Пока он раздумывал, трубочек ощутимо уменьшилось. Главным их поглотителем оказался Меркурий, он буквально в два укуса съедал трубочку и сразу тянул руку за другой.

Костя с Игорем одновременно посмотрели на Меркурия, а затем друг на друга. И оба произвольно заулыбались.

– Ужин был приятный, – проговорил хозяин в черном, – надеюсь, вам он тоже понравился.

– Благодарю Вас, я и вправду наелся. – Сказал Игорь, аккуратно вытирая салфеткой губы.

– А Вам молодой человек понравилось? – Глаза хозяина из-под маски, изучающее смотрели на Костю.

– Я был готов после каждой ложки говорить, что все очень вкусно! – Губы Кости расширились в улыбке. Он не удержался и добавил. – Но мне, увы, рот не дали открыть.

– В чужой монастырь со своим уставом не ходят. – Тихо проговорил хозяин.

Безмолвная женщина принесла поднос, уставленный бутылками со спиртным, и поставила его на стол.

– Ну-с господа, – сказал хозяин, – давайте теперь за добрым вином я расскажу вам немного о себе. Во время рассказа меня, пожалуйста, не прерывайте вопросами. После того, как я все, что считаю нужным, расскажу, готов буду ответить на ваши вопросы. Договорились? Вот и прекрасно!

Он взял бутылку красного вина и налил себе в фужер.

– Да, кстати, со спиртным за вами ухаживать никто не будет. Наливайте себе сами, что хотите. И сколько хотите тоже. За девушкой, думаю, ее сосед поухаживает. Напьетесь вы или не напьетесь, это ваше дело. Я не собираюсь вас ограничивать в этом деле.

– Ну что же, на сытый желудок можно и спиртным побаловаться! – Радостно воскликнул Костя, и не раздумывая, налил себе водки «Русский стандарт».

– За Катей бы сначала поухаживал. – С укором сказал Игорь, размышляя, какой спиртной напиток попробовать.

– Виноват! – У Кости покраснели кончики ушей. – Прости Катюша, что тебе налить?

Катя смотрела на изобилие бутылок безумными глазами. Она за свою жизнь пробовала только недорогие вина и водку, тоже не самого высокого качества. Так получилось в ее жизни, что ей не пришлось бывать на шумных дискотеках, где девушки в основном употребляют различные коктейли в больших количествах, от которых утром болит голова. Также у нее не было очень близких друзей, с которыми она могла бы проводить вечера за бокалом мартини. Да и мартини ей не нравилось, она не понимала насыщенного букетного вкуса этого напитка. Пожалуй, больше всего ей понравилось обыкновенное шампанское, которое они с мамой покупали на все большие праздники. Да и то, хватало одного фужера искрящегося напитка, чтобы почувствовать радостное возбуждение от отмечаемого праздника.

А здесь, здесь было так много неизвестных названий, что Катя просто растерялась.

– Катя, ты определилась? – Костя выжидательно смотрел на девушку.

– Мне, пожалуйста, вот этого, немного. – Катя ткнула пальцем в бутылку абсента.

– О-о! Какие мы аристократы, оказывается. – Восхищенно проговорил Костя и наполнил соседке полную рюмку. – Надеюсь, ты знаешь, что это пьется залпом?

Игорь наконец решил, что попробует понемногу из каждой бутылки. «Представим, что я на дегустации» – подумал он и взял в руки бутылку виски.

– Как я уже говорил, зовут меня, условно, Сан Саныч. – Начал свой рассказ хозяин. – Лет мне от 45 до 50. Родился я в Советском Союзе, в городе Ленинграде. Когда мне было шестнадцать лет, мои родители погибли в авиакатастрофе. И я остался жить с бабушкой, низкий поклон ее памяти от меня! Вы можете представить, как ей тяжело приходилось на свою пенсию поднимать меня, растущего парня, со все возрастающими потребностями. У нее было много подружек, таких же стареньких пенсионерок. Они часто навещали нас и всегда приносили что-то для меня и моей родной бабульки. То кусочек колбаски, то сыра, а то и просто буханку хлеба. Как жили мы те два года, лучше не рассказывать. Я учился в школе, и подрабатывать не мог, это ведь были советские времена. Да, нам помогали социальные службы, но чаще приходили расфуфыренные дамочки, которые мечтали отдать меня в детский дом. Каких трудов стоило бабушке меня отбивать, одному Богу известно. Но не сломалась, за что я ей по гроб жизни благодарен.

После школы я пошел служить в ряды нашей доблестной армии и бабушке два года было жить полегче. Я наотрез ей запретил присылать мне какие-либо посылки. Но она все равно раз в месяц присылала мне. С недорогими конфетками и сигаретами. А когда я вернулся, то моя бабулька умерла через два дня. И у меня никого не осталось. Ни родни, ни знакомых. Родни у нас никогда большой не было, так седьмая вода на киселе, а знакомые... ну кто будет дружить с парнем, у которого нет денег, чтобы даже сходить в кино. И который год из года ходит в одних и тех же брюках, которые бабушка подшивала снизу. Надо мной смеялись, но из-за спины. Я был крепкий мальчик и мог постоять за себя. Но от этого мне было не легче.

Сан Саныч достал сигареты и закурил. Костя с вопросом посмотрел на Меркурия, но тот отрицательно покачал головой.

– Учился я хорошо. Даже скажу – очень хорошо. Но поступить в институт я не мог. Мне было бы стыдно. Поэтому я решил для себя так: отслужу в армии и пойду работать. А через год буду поступать в институт на вечернее отделение. Собственно, так все и произошло. Кроме одного. Я мечтал, что когда немного подзаработаю, то обязательно съезжу с бабушкой на Черное море. Не потому, что я хотел туда попасть, нет. Я хотел, чтобы море увидела моя бабулька, моя родная бабулька. Она всегда хотела увидеть теплое море. Всю жизнь прожила в Ленинграде, в Петербурге, с вашего позволения, и дальше этого города нигде не была. Такова судьба. Родилась в Питере, всю блокаду провела в родном городе, работая санитаркой в больнице, и умерла здесь. И лежит она теперь на Северном кладбище, рядом с папой и мамой. Моими папой и мамой.

Сан Саныч налил себе второй фужер красного вина и движением руки пригласил других участников застолья присоединиться. Костя налил себе в рюмку водки, предварительно удостоверившись, что Катя так и не притронулась к своему абсенту. А Игорь, заслушавшись хозяина, держал в руке стакан с недопитым виски.

– Хоронил я бабушку почти один. В морг и на кладбище пришли только три ее знакомые, такие же старушки. Я рыдал тихо, скрипя зубами. Рыдал в морге, где моей бабушке не сделали косметику лица потому, что за это надо было платить. Рыдал на могиле, когда гроб с ее телом грубо почти кинули в яму, потому что я не мог заплатить могильщикам. У меня не было денег. Почти совсем. На те деньги, что я привез из армии, а привез я рублей сто, я в первый же день накупил продуктов и набил ими холодильник. А потом мы с бабушкой пошли в магазин, и я купил ей и себе обновку. И отдал долги, которые моя родная назанимала у своих подруг. И оставалось у меня рублей двадцать. Но в те два дня, после армии, я был счастлив! Я верил в себя и знал, все хорошее теперь будет, оно впереди.

Хозяин дома замолчал. Все сидели тихо, уставившись глазами в стол. Сан Саныч достал еще одну сигарету и закурил.

– Но счастье было только два дня. Я похоронил своего последнего близкого человека и остался совсем один. Без денег, без работы, без будущего. Мы вчетвером, я и три старушки, помянули мою бабульку и все. Я тогда почти сломался. Та ночь, после похорон, была для меня самой тяжелой в моей жизни.

Но утром я проснулся и решил: назло всем обстоятельствам, которые так немилосердны ко мне, я поднимусь наверх в этой жизни. Ради моей бабушки, которая так много сделала для меня, чтобы я жил хорошо.

В этот же день я устроился на работу. Тут мне немного повезло, как оказалось в дальнейшем. Когда я выходил утром из дома, то встретил соседку, сильно встревоженную. Оказалось, что у нее в туалете треснул сливной бачок, и она ждет сантехника, которого бегала вызывать в ЖЭК. Раньше-то телефоны не у всех дома стояли. Приходилось своими ножками бегать, если кого надо было вызвать.

Так вот, починил я ей бачок, починил я ей и краны. А здесь и сантехник подошел. Разговорились мы с ним и предложил он мне к ним в ЖЭК устраиваться на работу. нехватка у них была сантехников. И стал я рядовым советским сантехником. Тем самым о ком в старые времена анекдотов много рассказывалось. Брал ли я деньги за качественную работу? Брал. Брал ли поллитровку за ту же работу? Нет. Я почти не пил тогда. Да что почти, я совсем не пил. Потому, что у меня была цель! Я должен был скопить деньги, чтобы поставить памятник на могилу бабушке, папе и маме. И к тому же, не особенно лежала душа у меня к выпивке. Это сейчас я себе могу позволить.

Долго ли, коротко ли, как в сказках говорится, но наконец я смог исполнить свое желание. И памятники поставил, пусть небольшие, но красивые, и могилы в порядок привел. Оградки поставил, бордюры сделал.

С девушкой познакомился. С хорошей и доброй девушкой. Из обычной семьи, не хватающей звезд с неба. И жили уже вместе у меня, мечтая о будущем, которое должно быть светлым и радостным. Но не добрая судьба снова показала мне свои острые зубы. Убили мою девушку. Убили просто так. Когда она вечером возвращалась с работы ко мне, домой. Она работала в магазине продавцом, в чулочно-носочном отделе. Убили трое подростков. Молодых, пьяных подростков. Им было по четырнадцать лет. А ей было 25. Их поймали. Был суд. И каждому из них дали по пять лет. Они ведь еще дети, как мне объясняли. Что с них возьмешь, с детей то!

Сан Саныч замолчал и оглядел присутствующих. По щекам Кати катились слезы, но она их не вытирала. Глаза ее были широко открыты, и в них было столько ужаса, что мельком взглянувший на нее Игорь понял, что в жизни девушки, пожалуй, еще не было больших потрясений.

– Мы похоронили ее рядом с моими родными, благо место пока позволяло. – Спокойно и монотонно продолжил говорить хозяин. – Ее отец после похорон всю вину на случившееся возложил на меня. Почему я ее не встречал. Это был его главный упрек. Я не винил и не виню его за это. Потому, что понимаю родительское сердце. Мне было также больно, как и ее родителям, а может быть даже больнее.

Прошел еще год, и я познакомился с другой девушкой. Жизнь то должна продолжаться! Мы расписались, и спустя положенное время у меня родился сын. Мой сынулька, моя кровинушка. Какое счастье было держать его на руках, когда он засыпал и сладко причмокивал губами. Я замирал от восторга, боясь потревожить его сон.

– Нет, нет, нет! – Громко всхлинула Катя, подняв бледное и заплаканное лицо. – Я не хочу, не хочу, чтобы он умер! А Вы, похоже, к этому и ведете свой рассказ!

– Катюша, успокойся. – Костя приобнял ее за плечи, ощутив, как девушку бьет нервная дрожь. – Может, ты пойдешь наверх, ляжешь и поспишь?

– Я сожалею, – подал голос Меркурий, – но вы все выслушаете рассказ до конца. Вы приехали за шокирующим репортажем, вы его получите.

– Сынулька подрастал, и я был счастлив от сознания того, что у меня есть любимые жена и сын. – Все так же размеренно и без эмоционально вел свое повествование Сан Саныч. – Когда сынульке исполнилось три года, я познакомился с одной одинокой старушкой. Я ведь все так же и работал сантехником, и однажды мне пришлось чинить у нее протекающие трубы. Она мне чем-то напомнила мою бабушку. Те же глаза, добрые руки, приветливость в разговоре. Мы подружились с ней, как может подружиться молодой мужчина и древняя старушка. Я стал забегать к ней на чашечку чая, приносил с собой овсяное печенье и мармелад, который ей особенно нравился. Она рассказывала о своей дочке, о ее несчастной судьбе, о ее смерти от рака груди. А я сидел на кухне под стареньким красным абажуром и просто слушал ее, не перебивая. Мне было очень уютно там. И однажды она предложила мне написать дарственную на меня. На свою квартиру. Сказать, что я категорически возражал, будет неправдой. Я понимал, что после смерти этой доброй старушки, ее квартира, а квартира большая, двухкомнатная, в дореволюционном доме, отойдет никому. Если точнее, то кому-нибудь другому, проворному и без комплекса вины.

Я согласился с благодарностью. И мы договорились, что примерно через неделю мы съездим к нотариусу и все оформим. Через неделю потому, что это было начало мая, и вся страна гуляла. А через пару дней после нашего разговора у меня случилась беда. Та беда, которая приходит неожиданно, тогда, когда кажется, что уже ничего плохого в твоей жизни произойти не может. Когда кажется, что впереди только зелень травы, чистое небо и яркое солнце.

В тот день моя жена с сынулькой пошли в детскую поликлинику. Она находилась буквально в пяти минутах от дома. Надо было перейти дорогу и немного пройти. И когда они, мои два родных сердечка, переходили дорогу, на зеленый свет светофора, по пешеходной зебре, их сбила машина.

– Не-ет! – Катя зарыдала в полный голос, закрыв лицо руками. Костя все так же сидел, обняв ее за плечи. Игорь словно окаменел, в его голове как назойливая муха вертелась только одна мысль: «Может Алла и права, может права, может права...».

Сан Саныч посмотрел на Меркурия и кивнул головой. Тот встал и, подойдя по очереди к каждому из журналистов, налил по полному стакану водки.

– Выпейте мои друзья. – Сказал Меркурий. – Вы все сидите и слушаете, а спиртное не убавляется. Это не есть хорошо. Выпейте, вам легче слушать будет.

Игорь деревянной рукой поднял стакан и опрокинул в рот содержимое. Обжигающая жидкость возымела свое действие. Он почувствовал, что действительно его скованность немного ослабла.

Костя держал полный стакан у рта Кати и ждал, когда она немного успокоится. Наконец девушка перестала дрожать и стала пить большими глотками.левой рукой Костя взял свой стакан и тоже выпил. Ему было очень некомфортно. Вроде бы ничего ужасающего Сан Саныч не говорил, но его монотонное повествование вызывало чувство неясной опасности и страха. А Костя не любил бояться, и от этого ему было еще более неприятно. И очень не хотелось, чтобы Катя ничего этого не слышала. А еще хотелось курить. Сильно хотелось.

– Хочется курить. – Наконец сказал Костя, каким-то не своим, хриплым голосом.

Хозяин задумчиво посмотрел на него и перевел взгляд на Меркурия.

– Проводи гостей на перекур. Рассказ длинный, как и ночь, что впереди.

Меркурий подошел к двери.

– Пойдемте мои друзья. Девушку тоже забирайте, пускай немного проветрится.

Они вышли на крыльцо, и зашли за стеклянную дверь, которую им открыл Меркурий. В этом небольшом помещении стояли две табуретки и маленький столик, на котором находилась пепельница. Катя и Игорь присели, а Костя с Меркурием остались стоять.

– Здесь обычно больше двух человек не курят. – Заметил Меркурий. – Обычно вообще по одному.

Катя достала зеркальце и стала приводить свое лицо в порядок, вытирая платочком следы слез. Наконец, удостоверившись, что с ее внешностью все нормально, она посмотрела своими большими глазами на Меркурия и сказала:

– Мне так жалко Сан Саныча, он такой несчастный. Я бы, наверное, с ума сошла после всех этих несчастий.

Меркурий усмехнулся, но ничего не ответил. Некоторое время мужчины молча курили. Костя рассматривал через стекло территорию участка, которая слабо освещалась редкими фонарями.

– А у вас здесь соседи есть? – Неожиданно спросил Игорь.

Меркурий посмотрел на молодого человека и затушив сигарету в пепельнице, сказал:

– Конечно, есть. Мы находимся не на одиноком хуторе. Здесь в округе много домов. Только участки не примыкают вплотную друг к другу, а разделены небольшими лесопосадками.

– Этот дом состоит из двух частей, как я понимаю. Мы заметили, что к дому с двух сторон примыкает забор. – Продолжал спрашивать Игорь.

– Нет. Весь дом принадлежит хозяину. Причину разделения на две части вы поймете завтра, когда вас поведут на экскурсию.

Костя почти вплотную прислонился к оконному стеклу и что-то разглядывал в глубине двора. Потом повернулся к Меркурию и удивленно сказал:

– Не понимаю я все-таки этого. Зачем все собачьи будки у вас стоят рядом друг с другом? И к тому же, сейчас время уже позднее, а собачки все еще не охраняют территорию. Да и как я вижу, они все также заперты по своим конурам.

Он вопросительно уставился на бородача. Но Меркурий, проигнорировав вопрос Кости, обратился ко всем сразу:

– Молодые люди, вы перекурили, проветрились? Тогда прощу в дом. Рассказ хозяина еще не закончен, да и спиртное на столе почти не тронуто.

Он помолчал и добавил:

– Я редко даю советы, практически никогда, но в данном случае советую воспользоваться возможностью выпить. Вы мне чем-то понравились.

Игорь удивленно пожал плечами и хмыкнул. Он совершенно не понял, что хотел сказать своей фразой Меркурий. А Костя немного обиделся. «На все ваши вопросы ответим, как же! – С сарказмом подумал он. – А про собачек вопрос замяли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.